

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ДЛЯ XXI ВЕКА**

XI Международная научная конференция
Москва, 27–28 ноября 2014 г.

Научные статьи

Круглый стол

**Конструктивный социальный
потенциал массовой культуры:
специфика проявления в
информационном обществе**

Издательство Московского гуманитарного университета
2014

В93 Высшее образование для XXI века: XI Международная научная конференция. Москва, 27–28 ноября 2014 г. : Доклады и материалы. Круглый стол «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе» / отв. ред. А. В. Костина — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. — 99 с.

В выпуске публикуются материалы докладов, представленных участниками XI Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века» на круглый стол «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе».

*Ответственный редактор:
доктор философских наук, доктор культурологии
профессор А. В. Костина.*

Исследование проведено при поддержке РГНФ, грант № 12-03-00330.

© А.В. Костина, 2014.

© А.Р. Кожаринова, 2014.

© МосГУ, 2014.

Методология исследования массовой культуры: научный и идеологический дискурс

А.В. Костина (Московский гуманитарный университет)

Аннотация Статья посвящена анализу методологии исследования массовой культуры и причин особенного интереса исследователей к этой культурной форме. Автор исследует причины трансформации отношения исследователей массовой культуры к изучаемому феномену от критического до апологетического, при этом отмечая, что появление оптимистических вариантов доктрины «массового общества» произошло в 1970-х годах в западноевропейском культурфилософском знании и в 1990-х годах в российской культурологии.

Ключевые слова: специализированная культура, традиционная культура, массовая культура, методология.

Массовая культура является феноменом, жизнь которого в масштабе истории человека и культуры чрезвычайно коротка. Если традиция исследования традиционной и высокой культуры насчитывает примерно столько же времени, сколько существует философия, то исследования массовой культуры — несмотря на то, что они представляют собой достаточно объемный массив научных и философских работ, естественным образом ограничены временем существования самого этого феномена. Вместе с тем, массовая культура привлекала к себе внимание исследователей в существенно большей степени, чем два других типа культуры. Выявить причины этого — цель данной статьи.

Изучение высокой специализированной культуры — дело целой совокупности наук, связанных с анализом результатов деятельности человека, накопленных историей, но в наиболее концентрированном виде — это объект литературоведения, искусствоведения, истории науки. Хотя, сам термин «культура», введенный Цицероном в рамках философии, а не науки, соотносился с «вращиванием человеческого духа». Естественно, что именно специализированная культура в первую

очередь становилась предметом исследования как воплощающая наиболее сложные смыслы, имеющая предметную закрепленность и знаковую фиксацию. Более того, понятие «культура» до сих пор по умолчанию отождествляется с понятием «специализированная культура». Если же говорится о традиционной или массовой культуре — тогда обязательно обозначается тот или иной ее тип. Изучение высокой культуры — дело в равной степени и науки и философии.

Традиционная культура стала объектом изучения в эпоху романтизма, когда универсализм Просвещения перестал соответствовать потребностям объяснения мира. Разум с его способностью к аналитическим процедурам и выстраиванию причинных зависимостей не смог предугадать катаклизмы, постигшие Францию в первую очередь и Европу в целом после поражения буржуазной революции. Именно это событие показало утопичность идеи о культуре как разумной свободе, стало очевидно, что свобода и разум основаны на разных фундаментах¹. Разум опирается на всеобщее, свобода же — на индивидуальное, а не универсальное начало; разум стремится к генерализации, свобода — к индивидуализации; разум в большей степени выступает как феномен цивилизационного развития, свобода — как феномен развития культуры. Опора только на разум означала принятие идеи о возможности утраты свободы.

Кроме того, многообразие культур, ярко проявляющееся даже в рамках европейской модели, реально не соотносилось с восприятием Европы как универсальной системы. И если Бетховен, стоявший в своих поздних произведениях на пороге романтизма, рассматривал одну из частей Третьей Героической симфонии как траурный марш с телом героя, гроб которого несет все человечество, то герой Ибсена и Грига умирал в скалах родной Норвегии. Взамен всеобщего пришло индивидуальное, особенное, специфическое, локальное. Именно оно стало соотноситься с эмпирическим человеком, а не тем идеальным конструктом, который был предложен и Руссо и Кантом. Естественно, что интерес к традиционной культуре стал проявляться, как никогда

¹ См.: Межуев В.М. Как возможна философия культуры? // От философии жизни к философии культуры. Сб. статей. СПб., 2001. — С. 38.

ранее. В это время появляется фольклористика как наука о народном творчестве, а в странах Европы и в России печатаются многочисленные сборники с записями народных песен, сказаний, обрядовых действий. С этого времени изучение традиционной культуры — дело таких наук, как антропология, литературоведение и фольклористика.

Однако, те смыслы, которые вбирает в себя традиционная культура и которые лежат как бы «поверх нее» — смыслы, связанные с протестом против идей Просвещения и разума, с идеей национального развития, осмысливаются в рамках философии. Характерно, что первая философская постклассическая концепция в самом своем названии отразила этот протест — в рамках «философии жизни» получило осмысление значение способности человека не только мыслить, но и жить — то есть, протестовать против обыденности, стремиться к высоким смыслам и достижению невозможного, доверять жизни, постигать жизнь не через разум, а посредством «вживания», «вчувствования», «постижения жизни жизнью» (А Шопенгауэр, Ф. Ницше, О. Шпенглер). Таким образом, эти значения осмысливаются не в рамках наук о традиционной культуре, а в рамках философии, приобретая значение общекультурных парадигм, отражающих новый этап развития и общества и самого философского знания, отказавшегося от классического философского наследия и открывшего страницу постклассической мысли.

Важно, что исследование массовой культуры первоначально осуществлялось в рамках не науки, а философии. Первоначально в философии было отражено появление нового субъекта исторического действия — массовизированного индивида. Ф. Ницше открыл вполне обоснованную критику сначала носителя ее ценностей, а впоследствии — и самой массовой культуры. Затем эту традицию критики носителя ценностей массовой культуры продолжил Х. Ортега-и-Гассет, давший развернутую характеристику человеку массы, не утратившую актуальности и сегодня. Вполне современно выглядит анализ этого индивида как части толпы, которая «вышла к рампе» и заменила героев, «оставив лишь хор». Х. Ортега-и-Гассет выделил такие характеристики этого субъекта исторического действия, как полуобразованность,

самоуверенность, обладание «комплексом самодостаточности», амбициозность, позволяющие массовизированному индивиду считать себя способным к оценке любых сложных феноменов, в том числе, научных и художественных, требовать — в силу специфического понимаемого «равноправия», неверно экстраполированного из правовой области в область культуры — равенства в потреблении всех благ культуры и цивилизации². Чуть позже Э. Фромм уточнит эту мысль формулой «иметь или быть» и выявит основную особенность этого индивида — его способность и стремление к реализации стратегий обладания, но не бытия.

Только в 1940-е годы эта проблема становится проблемой самой массовой культуры — принято считать, что данный термин впервые используется Д. Макдональдом, определившим массовую культуру как порождение «массового индустриального века», как противоположность элитарной культуре³. Вектор критики сначала человека массы, а затем — массовой культуры, развивается в Европе в 1960-е годы представителями Франкфуртской школы социальных исследований и философами, близкими им по воззрениям⁴, в России — чуть позже — советскими социальными философами⁵.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии — 1989. — №3. — С.121-122.

³ McDonald D. A Theory of Popular Culture. — «Politics», February, 1944.

⁴ Адорно Г., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М.-СПб., 1997; Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Избранные эссе. М., 1996; Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994; Фромм Э. Диагноз духовного недуга нашей эпохи. М., 1994.

⁵ Ашин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966; Глазычев В.Л. Проблема «массовой культуры»// «Вопросы философии», 1970, №12. — С. 14-22; Давыдов Ю.Н. Искусство и элита. М., 1966; Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. М., 1985; «Массовая культура» и кризис буржуазной культуры Запада. Сб. статей. М., 1974; Можнягун С.Е. Кризис буржуазной «массовой культуры». Киев, 1981; Шестаков В.П. Искусство тривиализации: некоторые теоретические проблемы «массовой культуры» // «Вопросы философии», 1982, № 10; Шестаков В.П. Мифология XX века. Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М., 1988; Шестаков В.П. Искусство тривиализации: некоторые теоретические проблемы «массовой культуры»// «Вопросы философии», 1982, №10. — С. 105-116.

Все это свидетельствует о том, что проблема массовой культуры — это проблема социальной философии, а не искусствоведения, литературоведения или истории. Она изначально была связана с осмыслением процессов, которые разворачивались в культуре, начиная с конца XIX века и которые означали смену культурной парадигмы. Эти трансформации в европейской культуре указанного периода были комплексными — в экономической области они означали построение нового типа производства, основанного на сырье, капитале, конвейерном труде; в политической области они означали проведение ряда реформ, в том числе, образовательных, приведших к трансформациям в общественной системе; в социальной — формирование нового типа общественных отношений, где сословная замкнутость сменилась классовой мобильностью. Индустриализация, урбанизация, маргинализация создали условия для формирования нового субъекта исторического действия — массовизированного индивида.

Однозначно оценить эти процессы было невозможно. Демократизация жизни как фактор безусловно положительный, означающий приобщение к творению истории всех членов общества, следствием и оборотной стороной этого процесса имела падение общего уровня культуры, ее упрощение. Технологический скачок, приведший к существенному повышению уровня жизни, напрямую соотносился с резким увеличением численности населения в Европе. И то, что «за все двенадцать веков своей истории, с шестого по девятнадцатый, европейское население ни разу не превысило ста восьмидесяти миллионов», а за столетие с небольшим «с 1800 по 1914 год ... достигло четырехсот шестидесяти»⁶ Х. Ортега-и-Гассет рассматривал как причину формирования массы как «безликой стихийной силы».

Эти процессы вызвали резкую реакцию во всех сферах культуры — формируется новый вид искусства — элитарное беспредметное искусство как искусство аристократическое, направленное на выстраивание нового пространства пребывания художника — «башни

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. — С. 313.

из слоновой кости», позволяющей уйти от реальности в сконструированный мир. Меняется тип философствования, где классическая парадигма сменяется постклассической, а первый из «философов жизни» — А. Шопенгауэр — призывает спастись от «мира как воли» в аналогичной «башне» — в «мире как представлении»⁷. Меняется настроение передовых слоев общества — никто не говорит теперь о возможности построения общества, построенного на морали, а сама «идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»⁸ утрачивает векторность прогресса и замыкается на циклической идее «стадий перерождения духа»⁹.

Меняется сама тональность дискуссий о судьбе Европы, которая воспринимается как ее трагическая гибель, как превращение «в обширное кладбище»¹⁰, где современная культура «из сверкания небывалого яркого дня... без переходов погрузилась во внезапно разверзшуюся жуть»¹¹. Демократические процессы во всей «цивилизации XIX века» теперь рассматриваются как «медленное, неодолимое и, наконец, восторжествовавшее просачивание всюду кабака... Кабак прошел в книгопечатание... К концу XIX века газеты заняли господствующее положение в печати, а литература — почти исчезла»¹². В философии идея культурного прогресса сменяется идеей кризиса культуры — она отражается в названиях работ того и чуть более позднего времени: «Закат Европы» (О. Шпенглер), «Гибель европейской культуры» (Р. Виппер), «Предсмертные мысли Фауста» (Н. Бердяев)¹³, «Сумерки Европы» (Ландау Г.), «Неудовлетворенность культурой» (З. Фрейд).

Естественно, критика культуры этого периода порождает череду ригористических конструкций, где причиной кризиса объявляется — среди прочего — приход человека массы и формирование массовой

⁷ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск, 2011.

⁸ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. — В кн.: Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. М., 1966. Т. 6.

⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 2012.

¹⁰ Виппер Р. Гибель европейской культуры. М., 1918. — С. 122.

¹¹ Ландау Г. Сумерки Европы. Берлин, 1923.

¹² Розанов В.В. Сочинения. Л., 1990. — С. 252.

¹³ Степун Ф.А. Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922. — С.66.

культуры. Уже позже, в работах социальных критиков, будет показано, что эта культура суть порождение диалектики Просвещения с ее высокой идеей разума, приводящей в итоге к рационализации жизни. Машинное производство, однообразный труд на конвейере, «превращающий человека в деталь машины», изнуряющие человека нагрузки, делающие невозможной любую деятельность помимо работы — все это становится основанием для развития индивида с соответствующим набором характеристик. К тем, что были обозначены Х. Ортегой-и-Гассетом, чуть позже Г. Маркузе, Э. Фромм, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, В. Беньямин¹⁴ добавили положение о тотальности подавления «организованным обществом» человека, где машина превращается из орудия производства в орудие подавления — в «тоталитарный универсум технической рациональности». Человек же при этом становится конформистски-ориентированным, и, стремясь сохранить эту «тотальность», составляя вместе с другими «молчаливое большинство»¹⁵. Эти же авторы выделили главную особенность западной массовой культуры — ее способность существовать в виде культурного продукта, обладающего товарными свойствами, что было зафиксировано в понятии «культурная индустрия».

В чем причины критической направленности работ, посвященных проблематике массовой культуры?

Во-первых, массовая культура и носитель ее ценностей — человек массы — рассматриваются в качестве причины кризиса культуры.

Во-вторых, когда становится очевидным манипуляционный потенциал массовой культуры, она объявляется способом формирования массового сознания.

В-третьих, массовая культура как суть порождение массового индустриального — по сути, буржуазного — общества рассматривается в контексте классовой парадигм, где выделяется ее основная

¹⁴ Адорно Г., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М.-СПб., 1997; Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Избранные эссе. М., 1996; Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994; Фромм Э. Диагноз духовного недуга нашей эпохи. М., 1994.

¹⁵ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

характеристика — способность выступать в качестве «культурной индустрии» и фактора отчуждения человека.

Вектор обсуждения массовой культуры сменяется на противоположный в тот момент, когда меняется идеологический вектор — когда появляется идея сближения двух типов культуры обществ индустриального типа — с рыночным и плановым хозяйством, нашедшая, в том числе, отражение в концепции «конвергенции». Эта эра открывается после проведения конференции, организованной журналом «Коментэри» в декабре 1974 года, где были высказаны идеи об автономном перерастании «низкой» культуры в «высокую». Появились оптимистичные варианты доктрины «массового общества», само общество начало представляться не как разделяемое на элиту и массу, а как однородное, где «определенный образ жизни, права, нормы и ценности, стремления, привилегии, культура — все то, что когда-то составляло исключительное достояние высших классов, — распространяется теперь на всех»¹⁶. С этого момента критика массовой культуры сменяется на ее принятие, на доказательство существования разных уровней массовой культуры — от примитивного до предназначенного для «высоколобых» — и даже на ее апологетику.

В России эта идея позитивности массовой культуры как функционала любого общества, перешедшего на индустриальную стадию развития, становится возможной и принимаемой к обсуждению в момент изменения вектора развития государства в 1990-е годы. В эти годы впервые термин «массовая культура» начинает употребляться без кавычек, что снимает подразумеваемое дополнение «так называемая» (культура) и что означает рассмотрение этого типа культуры как равнозначного высокой и элитарной. Конечно, эта идея также не была принята сразу и безусловно — первые работы с обоснованием идеи о том, что советская культура «для масс» была по существу, массовой культурой, о том, что эта культура не только манипулятивна и гедонистична, но значима социально, что она не является «извечным побочным продуктом человечества», но выступает как исторически

¹⁶ Bell D. The End of Ideology. Glenon (II), 1964. — P. 20-23.

опосредованная и достаточно локальная, появились в середине 1990-х годов¹⁷.

Постепенно нашла понимание идея о том, что массовая культура — исторический продукт, что ее появление было обусловлено всем развитием общества, и в связи с этим она является необходимым компонентом современного развития.

Фактически массовая культура стала той формой, которая восприняла основные характеристики индустриального общества, основанного на рыночных механизмах управления — как обладающая товарными свойствами, как тесно связанная с механизмами рекламы, связей с общественностью, массовых коммуникаций. Поэтому до тех пор, пока существует рыночная экономика (а после распада советской системы вряд ли будет господствовать плановое хозяйство), пока доминирует массовое сознание, будет существовать и массовая культура. Это положение, которое сегодня представляется возможным к обсуждению, еще десять лет назад приходилось доказывать¹⁸.

Аргументация против этого положения является достаточно веской — в постиндустриальном и, тем более, в информационном обществе отсутствует экономическая база для формирования и воспроизводства массы. Конвейерное крупномасштабное производство заменяется формами мелких фирм, офисов, компьютерных центров. Это создает среду, в которой масса как физическая общность людей становится не востребованной. Первоначально предполагалось, что главным

¹⁷ Разлогов К.Э. Культура для необразованных? // *Общественные науки*. — М., 1990. — №4.; Вайль П., Генис А. Поэзия банальности и поэтика непонятности // *Звезда*. М., 1994. № 4; Генис А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени. Эссе. М., 1997; Голицын Г. Искусство «высокое» и «низкое»: системная роль элитарной субкультуры // *Творчество в искусстве и искусство творчества*. М., 2000; *Массовая культура: Учебное пособие* / К.З. Акопян, А.В. Захаров, С.Я. Кагарлицкая и др. М., 2004; *От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: Сборник статей*. М., 1998; Соколов Е.Г. Аналитика масскульты. Диссертация на соиск. уч. ст. д.н., М., 2001; Костина А.В. Соотношение массового и элитарного в культуре. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. к.н. М., 1997; Костина А.В. *Массовая культура: теория и практика*. М., 1999; Костина А.В. *Диалектика массового и элитарного в современной культуре*. М., 2001; Костина А.В. *Эстетика рекламы*. М., 2003.

¹⁸ Костина А.В. *Массовая культура как феномен постиндустриального общества*. М., 2003.

презентантом обществ такого типа становится креативная личность, способная к творческому осмыслению реальности и производству новых смыслов культуры.

Однако — и это самое важное — масса воспроизводится как общность символическая, формируемая посредством подключения к единому информационному анклаву, производимому и продуцируемому через каналы средств массовой коммуникации. Точно так же воспроизводится и массовое сознание. Его характеристики — те же, что были описаны Х. Оретгой-и-Гассетом. Та же амбициозность, повышенная требовательность к обществу, недостаточная — преимущественно, функциональная — образованность, ограниченность заботами быта и повседневного существования. Естественно, что в этом обществе воспроизводится и массовая культура. Более того, массовая культура начинает выполнять целую совокупность новых, весьма важных социальных функций и превращается из культуры, имеющую подчиненное по отношению к высокой специализированной культуры положение, в культуру безраздельно господствующую, доминирующую. Она распространяется сегодня — помимо традиционных способов презентации через литературу, искусство, кино и телевидение — даже на сферы образования и науки, естественно, не на сам механизм производства знания и его развитие, а на механизм его адаптации к массовому сознанию, механизм распространения его ведущих концептов, имен, положений в упрощенном, доступном виде.

Таким образом, массовая культура является феноменом, внимание к которому, безусловно, повышено. Оценки этой культуры менялись столь же часто, сколь часто менялась и сама политическая и — соответственно — идеологическая ситуация. Необходимость обоснования смысловых доминант вектора развития общества приводила к соответственным различиям в трактовке этого феномена. Именно эта амбивалентность самого феномена приводит к постоянной актуальности вопроса о том, что есть массовая культура — зло или благо. Действительно, массовая культура манипулятивна, она уводит человека от реальности, ее образы иллюзорны, она подавляет творческую активность и не способна к формированию креативного

сознания. В то же время, она способна к адаптации индивида, к его психологической рекреации, к упрощению и трансляции смыслов высокой культуры к массовому сознанию, к созданию социальных целостностей. Иными словами, массовая культура есть сложный феномен, который не может рассматриваться только в позитивном или негативном ключе — она выполняет разные запросы общества, соответственно, и анализ массовой культуры возможен только при условии наличия взвешенной исследовательской позиции, учитывающей все многообразие ее смыслов и значений.

Библиографический список

1. Адорно Г., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. — 312 с.
2. Ашин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». М.: Междунар. отношения, 1966. — 160 с.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Избранные эссе. М.: Культурный центр имени Гете, 1996. — 240 с.
4. Вайль П., Генис А. Поэзия банальности и поэтика непонятности // Звезда. М., 1994. № 4;
5. Виппер Р. Гибель европейской культуры. Сб. статей и публичных лекций. 1914-1918. М., 1918, — 34 с.
6. Генис А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени. Эссе. М.: Независимая газета, 1997. — 256 с.
7. Глазычев В.Л. Проблема «массовой культуры»// «Вопросы философии», 1970, №12. — С. 14-22.
8. Голицын Г. Искусство «высокое» и «низкое»: системная роль элитарной субкультуры // Творчество в искусстве и искусство творчества. М.: Наука, Смысл, 2000. — 262 с.
9. Давыдов Ю.Н. Искусство и элита. М.: Искусство, 1966. — 344 с.
10. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. — В кн.: Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. — 743 с.

11. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Издательство Московской гуманитарно-социальной академии, 2003. — 305 с.
12. Костина А.В. Массовая культура: теория и практика. М.: Институт молодежи, 1999.
13. Костина А.В. Соотношение массового и элитарного в культуре. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. к.н. М., 1997;
14. Костина А.В. Эстетика рекламы. М.: Вершина, 2003. — 296 с.
15. Костина А.В. Диалектика массового и элитарного в современной культуре: В 2-х частях. М.: Издательство Московской гуманитарно-социальной академии «Социум», 2001. I часть — 178 с.; II часть — 196 с.
16. Кукаркин А.В. «Массовая культура» и кризис буржуазной культуры Запада. Сб. статей. М.: Политиздат, 1974.
17. Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. М.: политиздат, 1985. — 432 с.
18. Ландау Г. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923. — 374 с.
19. Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО "Издательство АСТ", 2002. — 526 с.
20. «Массовая культура» и кризис буржуазной культуры Запада. Сб. статей. М.: Наука, 1974. -224 с.
21. Массовая культура: Учебное пособие / К.З. Акопян, А.В. Захаров, С.Я. Кагарлицкая и др. М.: Альфа-М: Инфра-М, 2004. — 304 с.
22. Межуев В.М. Как возможна философия культуры? // От философии жизни к философии культуры. Сб. статей. СПб.: Алетейя, 2001. — 395 с.
23. Можнягун С.Е. Кризис буржуазной «массовой культуры». Киев: Мистицтво, 1981. — 151 с.
24. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Азбука, 2012. — 352 с.
25. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М.: «Искусство», 1991.
26. От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: Сборник статей. М.: Идея-Пресс, 1998. — 400 с.
27. Разлогов К.Э. Культура для необразованных? // Общественные науки. — М., 1990. — №4.

28. Розанов В.В. Сочинения. — Л.: Васильевский остров, 1990. — 576 с.
29. Соколов Е.Г. Аналитика масскульта. Диссертация на соиск. уч. ст. д.н., М., 2001.
30. Степун Ф.А. Освальд Шпенглер и закат Европы. — М.: Книгоиздательство «Берег», 1922. — 97 с.
31. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. — 147 с.
32. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. — 272 с.
33. Фромм Э. Диагноз духовного недуга нашей эпохи. М.: Прогресс, 1994. — 528 с.
34. Шестаков В.П. Искусство тривиализации: некоторые теоретические проблемы «массовой культуры» // «Вопросы философии», 1982, № 10.
35. Шестаков В.П. Мифология XX века. Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. — 277 с.
36. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск: Хорвест, 2011. — 848 с.
37. Bell D. The End of Ideology. Glenon (JII), 1964. — P. .20-23.
38. McDonald D. A Theory of Popular Culture. — «Politics», February, 1944.

Массовая культура: основные исследовательские подходы к определению

А.Р. Кожаринова (Московский гуманитарный университет)

Аннотация ♦ *Статья посвящена выделению и анализу специфики следующих исследовательских подходов к определению массовой культуры: социально-психологического, социокультурного, психоаналитического, экзистенциального и феноменологического.*

Ключевые слова: *массовая культура, масса, исследовательский подход.*

Такие общественные процессы конца XIX века, как индустриализация, урбанизация, демократизация общественной жизни, вызвали появление новых форм социально-массовых явлений, что обратило на себя пристальное внимание европейской интеллектуальной элиты. Введение в научный философский обиход термин «масса»

впервые произошло в конце XIX века в работах Ф. Ницше которого слово «масса» ассоциировалось с гомогенной толпой («стадом», эстетически и этически неразвитым большинством), среди составляющих которой отсутствовали какие-либо различия. К концу XX века в современном культурфилософском знании сложились многообразные подходы к пониманию и изучению массовой культуры. Систематизации методологических подходов к анализу социально массовых исследований посвящена монография Г.Ю. Чернова, в которой он выделяет, как наиболее типичные, четыре подхода: политико-ориентированный, социально-психологический, культурцентристский, социокультурный¹⁹, статья Ю.Б. Мишкинене, где автор рассматривает феноменологический, психоаналитический, экзистенциалистский подходы²⁰. Думается, что для систематизации всех существующих в научной литературе направлений изучения этого феномена, можно составить следующую типологизацию исследовательских подходов: социально-психологический, социокультурный, психоаналитический, экзистенциальный и феноменологический. Критерием данной типологизации будет выступать то или иное понимание массы, существующее в научной литературе в рамках каждого подхода. Рассмотрим перечисленные выше исследовательские подходы к изучению феномена массовой культуры.

Хронологически первым из них стал *социально-психологический подход*, приблизившийся к изучению феномена массы и массового сознания с научной точки зрения в последней трети XIX века. Ему положили начало исследования в области социальной психологии, развивавшейся как научная дисциплина именно в этот период. Справедливо отметить, что истоки многих идей, возникающих у сторонников социально-политического подхода, находятся еще в античной философии, которая уже с середины I тыс. до н. э. затрагивала

¹⁹ Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Дубна, 2005. — С. 69.

²⁰ Мишкинене Ю.Б. Основные методологические подходы к анализу феномена «массового общества» [Электр. ресурс] URL: http://www.countries.ru/library/typology/fenomen_mass.htm (дата обращения 02.08 2014).

проблему противопоставления «толпы» и индивидуальности. Античные философы подчеркивали такие качественные характеристики толпы, как:

- утрату интеллекта и неспособность к пониманию истины (Платон²¹, Цицерон²², Сенека²³ и др.);
- преобладание чувства над разумом (Плутарх²⁴ и др.);
- потребность в руководстве извне, нежелание иметь собственное мнение: (Протагор²⁵, Демокрит²⁶);
- способность толпы внушать эмоции людям, в нее попадающим (Сенека²⁷).

Несмотря на то, что их работы носили неаналитический и описательный характер, античные философы заложили основы понимания феномена «толпы», ставшей первой моделью «массы» в западноевропейской философии.

К изучению феномена «толпы» («публики») с научной точки зрения, в русле социально-психологического подхода первыми подошли Г. Тард²⁸ и Г. Лебон²⁹. Они проанализировали основные закономерности поведения индивида и перемены в его психике, происходящие при включении этого индивида в состав толпы. Исследователями было доказано, что чувства и действия, проявляющиеся в массе, зачастую отличны от тех, что проявляются у существующего вне толпы индивидуума, что с точки зрения психологии объясняется

²¹ Платон. Протагор // Платон. Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева и др. М., 1990. Т. 1. — С. 418-476.

Платон. Государство // Платон. Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева и др. М., 1994. Т. 3. — С. 79-420.

²² Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М., 1999. — С. 203.

²³ Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию // Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии. М., 1986. — С. 41-43.

²⁴ Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. М. А. Дынника. М., 1955. — С. 87.

²⁵ Цит. По Реале, Дж., Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. СПб., 1997. Т. 1: Античность. — С. 87.

²⁶ Там же. — С. 74-75.

²⁷ Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию // Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии. М., 1986. — С. 41-43.

²⁸ Тард Г. Толпа и публика // Тард Г. Социальные этюды. СПб., 1902. — С. 83-120.

²⁹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

свойственным людям внушаемостью и эмоциональностью. Так, вслед за античными философами, Г. Лебон выделяет у индивида, находящегося в толпе исчезновение индивидуального сознания, повышенную внушаемость, утрату чувства личностной ответственности, преобладание эмоционального над рациональным. Таким образом, в рамках социально-психологического подхода культура массы рассматривается в сравнении с культурой отдельно действующих индивидов, а время существования массы рассматривается локализованным во времени и пространстве, зависящим от контекста ее образования.

Социально-психологический подход в XX веке был углублен американским социологом и психологом Г. Блумером³⁰, исследователями С. Московичи³¹, Г. Маркузе³² и др. Этот подход продолжает оставаться актуальным в современных исследованиях массовой культуры, так как связан с проявлением атрибутивных свойств психики людей.

Вторым подходом исследования массовой культуры становится *социокультурный*, в рамках которого к исследованию масс подошел крупнейший философ XX века Ортега-и-Гассет, который ввел в научный оборот понятие «человека массы» и проанализировал данный тип в сравнении с представителями духовной элиты. При этом Ортега-и-Гассет рассматривал массу не как политический, а как социокультурный субъект, не отождествленный с общественным классом. Испанский философ выделял следующие психологические черты представителя массы: врожденное ощущение легкости жизни, чувство собственного превосходства и всемогущества, лень и нежелание иметь собственное мнение, а также желание вмешиваться во все, навязывая бесцеремонно свою ничтожность и плебейство. «Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не

³⁰ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. — С. 168–215.

³¹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.

³² Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003.

обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду»³³.

Сравнением элитарного (аристократического) и массового (демократического) начала в обществе занимался в России Н. А. Бердяев, считавший способность к творчеству основой «неравенства, возвышения, выделения качеств из бескачественной массы»³⁴. Как и Ортега-и-Гассет, Н. А. Бердяев предостерегал современное ему общество, прогнозируя результаты его дальнейшей деэлитаризации, что говорит о широких прогностических возможностях социокультурного подхода.

Во второй половине XX века анализ массовой культуры в рамках социокультурного подхода был продолжен. «Человеку массы» Ортеги-и-Гассета стал соответствовать массовизированный индивид: стандартизированный индустриальный работник «второй волны»³⁵, «ориентированный-на-другого человек» эпохи потребления³⁶, продукт деятельности СМИ (Б. А. Грушин³⁷), «простого исполнителя заданных ролей, у которого атрофирована, редуцирована личность»³⁸, «постчеловеческое» биотехносоциальное существо³⁹, «атомизированный индивид, чьи личные качества и свойства никем не принимаются в расчет»⁴⁰ и т.п. Поскольку система социально-массовых явлений чрезвычайно динамична, в постиндустриальном и информационном обществах в нее встраиваются принципиально новые многообразные явления и процессы, как то демассификация, информатизация сознания, интеллектуализация труда и т. д. Несмотря на столь кардинальные изменения, на рубеже XX–XXI веков

³³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М., 2008. — С. 23.

³⁴ Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990. — С. 187.

³⁵ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.

³⁶ Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество (*окончание*) // Социологические исследования. 1994. № 5. — С. 144–151.

³⁷ Грушин Б. А. Масса как субъект исторического и социального действия (опыт определения понятия) // Рабочий класс и современный мир. 1984. № 5.- С. 31–45.

³⁸ Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М., 1971. — С. 147.

³⁹ Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001.

⁴⁰ Межуев В. М. Идея культуры. М., 2006.

применение социокультурного подхода остается оправданным, но требуется его переход на новое качество.

Следующим методологическим подходом к исследованию феномена массы можно назвать *психоаналитический* подход, сформулированный З. Фрейдом в работе «Массовая психология и анализ человеческого “Я”». В ней автор проанализировал роль сексуальных влечений для уяснения природы массовой психологии и массовых неврозов. Дифференцируя массы, ученый различал толпу и искусственные массы. В искусственных массах, в отличие от толпы, необходимо внешнее принуждение, чтобы удержать их от распада⁴¹. По мнению З. Фрейда, искусственные массы имеют «либидозную структуру». Так, члену массы необходимо ощущение, что он любим вождем, верховным властителем. Если у массы убрать эту иллюзию любви, произойдет распад массы. Но люди не только желают ощущать любовь властителя, но и отождествлять себя с ним, мысленно поставить себя на его место. «Таким образом, психоаналитический подход З. Фрейда делает акцент на индивида, личность; а сама масса, по Фрейду, складывается из суммы стремления ее членов»⁴².

Продолжили исследования массы в рамках психоаналитического подхода К. Юнг («Проблема души современного человека»), В. Райх («Психология масс и фашизм»), неотрейдисты Э. Фромм («Бегство от свободы»), К. Хорни («Невротическая личность нашего времени») и другие психоаналитики. В нашей стороне к сторонникам этого подхода можно отнести С.А. Зелинского, В.А. Медведева, М.М. Решетникова и др.

Господство массы как явление современного времени изучал экзистенциалист К. Ясперс. Для этого философа современное массовое общество — общий феномен, характерный для всех демократических стран с высоким уровнем техники. В отличие от многих критиков «массового общества», немецкий экзистенциалист относился к

⁴¹ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб., 2003.

⁴² Мишкинене Ю.Б. Основные методологические подходы к анализу феномена «массового общества» [Электр. ресурс] URL: http://www.countries.ru/library/typology/fenomen_mass.htm (дата обращения 02.08 2014).

существованию массы как к реальному факту, оптимальному способу существования больших скоплений людей, в котором он видел как достоинства (которые очевидны всем), так и недостатки (понятные только наиболее развитым в духовном плане людям, страдающим от потери индивидуальности). «К. Ясперс предлагал путь, идя по которому, люди могли бы преодолеть неподлинность своего существования в массе — индивидуальную работу каждого человека над самим собой. Неподлинному существованию человека в массе К. Ясперс противопоставлял подлинное существование, экзистенцию, исключительно в которой возможна человеческая свобода и проявление индивидуальности. К. Ясперс обрисовывал основные желания массового человека — быть деловитым и вечно молодым, во всем соответствовать правилам, быть как все, находится под властью коллектива⁴³.

Продолжили исследования феномена массы в русле экзистенциализма Х. Арндт, С. Кьеркегор, Г. Марсель, М. Хайдеггер. В некотором смысле экзистенциальную трактовку массового человека предложил также психоаналитик Э. Фромм, связавший феномен массовости с удовлетворением таких фундаментальных потребностей человека, как потребность в трансценденции, в общении, в системе ориентации, в укорененности, в самоидентификации. Эти потребности могут быть удовлетворены естественным путем (акты творчества) или невротическим образом (стадные инстинкты, преобладающие в массе)⁴⁴.

Нобелевский лауреат Э. Канетти, для описания феномена массы использует *феноменологический метод*. Автор книги «Масса и власть» подробно описывает ощущения индивида, выходящего при попадании в массу за пределы своей личности и переживания, которые тот при этом испытывает. Э. Канетти выделяет следующие свойства массы:

- масса всегда стремится к росту и сплочению, масса любит плотность, в которой «каждый ощущает другого как себя самого»;
- внутри массы всегда господствует чувство равенства, «ради которого и становятся массой»;

⁴³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

⁴⁴ Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М., 2000. — С. 185–437.

- масса стремится к разрушению границ и всего, что находится внутри границы;

- масса требует направления. «Направление, общее для всех участников, усиливает ощущение равенства»⁴⁵.

В отечественной литературе отдельные элементы этого подхода использовали Б. А. Грушин (масса, как «вавилонское смешение языков и рас»⁴⁶), Г. Г. Дилигенский⁴⁷, Д. В. Ольшанский (масса, как совокупность людей, сплоченных общими переживаниями)⁴⁸ и др.

Перечисленные исследовательские подходы необходимо было бы дополнить и другими, не менее важными. К примеру, *семиотическим* подходом (Р. Барт, Дж. Уоллакотт, У. Эко), *марксистским* и *неомарксистским* подходом (К. Маркс, А. Грамши, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас), *культурно-антропологическим* (У. Уорнер, Дж. Кавелти), но сделать это было бы довольно затруднительно в рамках небольшой статьи.

С вышеописанной типологизацией подходов к изучению массы, некоторым образом коррелирует попытка Д. Белла вычленить в западной литературе пять типов определений массы. Это определение массы как «недифференцированного множества», являющегося аудиторией средств массовой коммуникации; «синонима невежественности», не владеющего подлинными знаниями и не имеющего собственного мнения; «механизированного множества», в котором люди становятся придатками техники; «бюрократизированного общества», сокрушающего индивидуальность личности; «толпы», попадая в которую однообразные люди повинуются более инстинктам, нежели разуму⁴⁹.

Все перечисленные подходы (как традиционные, так и менее традиционные) развивались в соответствии с трансформацией самого

⁴⁵ Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. — С. 35.

⁴⁶ Грушин Б.А. Масса как субъект исторического и социального действия (опыт определения понятия) // Рабочий класс и современный мир. 1984. № 5. — С. 31–45.

⁴⁷ Дилигенский Г.Г. Феномен массы и массовые движения: социально-психологические аспекты // Рабочий класс и современный мир. 1987. № 3. — С. 26.

⁴⁸ Ольшанский, Д. В. Психология масс. СПб., 2001. — С. 58.

⁴⁹ Bell, D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N. Y. : Free Pres, 1965.

феномена массовой культуры. Работающие в их русле исследователи, акцентировали свое внимание на аспектах массовой культуры, актуализирующихся в тот или иной период ее развития, изучали факторы (экономические, технические и технологические, психологические, мировоззренческие), способствующие появлению у массовой культуры тех или иных новых функций. При этом важно, что все рассмотренные исследовательские подходы дополняют друг друга и, что особенно важно, сохраняют свои научно-эвристические возможности до сегодняшнего дня. Напрашивается вывод о том, что в настоящее время актуально создание системной теории массовой культуры, которая будет способна интегрировать существующие исследовательские подходы в единое целое. Создание теории, обладающей в силу своей междисциплинарности, широкими прогностическими возможностями, должно стать одной из приоритетных задач современного культурфилософского знания.

На основе представленных подходов к определению массовой культуры попытаемся теперь эксплицировать это понятие. По совокупности исследований под массовой культурой понимается социальный феномен индустриального и постиндустриального общества, существенными характеристиками которого являются общедоступность, поверхностность, эстетическая тривиальность, зрелищность, нацеленность на практику и рекреацию.

Представляется важным обратить внимание на субъект-объектную природу рассматриваемой культурной формы. Действительно, массовая культура находится под одновременным воздействием и элит, и масс. С одной стороны, она формируется под непосредственным влиянием идеологии власти, не вступает в конфликт с официально навязываемой правящей элитой системой ценностей, комментирует текущие явления и процессы с выгодных властным структурам позиций. Массовая культура является мощным инструментом манипуляции массами со стороны властных структур, а также способом пропаганды практической деятельности этих структур. Специализированная группа создателей текстов массовой культуры формирует у своих потребителей специфическое массовое сознание,

главными чертами которого являются инфантильность, пассивность (или управляемая извне активность), ограниченность, противоречивость, усредненность, нацеленность на практику, подверженность внушению, стереотипам и руководству извне. С другой стороны, нельзя не отметить наличие «обратной связи» между массовой аудиторией и массовой культурой. Являясь «индустрией культуры» (Т. Адорно, М. Хоркхаймер) или «подсистемой экономики» (А. Я. Флиер), массовая культура не может не зависеть от запросов своих потребителей. «Благодаря» своему коммерческому характеру, она трансформирует свое содержание, ставя цель оставаться покупаемым продуктом для гораздо большего числа потребителей, что подчеркивает влияние на массовую культуру как на объект запросов масс.

Библиографический список

1. Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М.: Политизда, 1971. — 191 с.
2. Бердяев Н. Философия неравенства. М.: ИМА-Прес, 1990. — 288 с.
3. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. — 496 с.
4. Грушин Б.А. Масса как субъект исторического и социального действия (опыт определения понятия) // Рабочий класс и современный мир. 1984. № 5. — С. 31–45.
5. Дилигенский Г. Г. Феномен массы и массовые движения: социально-психологические аспекты // Рабочий класс и современный мир. 1987. № 3. — С. 18–29.
6. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. — 528 с.
7. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 240 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
9. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. — 528 с.

10. Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. М. А. Дынника. М.: Политиздат, 1955. — 239 с.
11. Межуев В.М. Идея культуры. М.: Прогресс-традиция, 2006. — 408 с.
12. Мишкинене Ю.Б. Основные методологические подходы к анализу феномена «массового общества» [Электр. ресурс] URL: http://www.countries.ru/library/typology/fenomen_mass.htm (дата обращения 02.08 2014).
13. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. — 478 с.
14. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001. — 368 с.
15. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ, 2008. — 347 с.
16. Платон. Протагор // Платон. Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1990. Т. 1. — 860 с.
17. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1994. Т. 3. — 654 с.
18. Плутарх. Наставления о государственных делах // Плутарх. Соч. М.: Художественная литература, 1983. — 703 с.
19. Реале, Дж., Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. СПб.: Петрополис, 1997. Т. 1: Античность. — 336 с.
20. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество (окончание) // Социологические исследования. 1993. № 5. — С. 144–151.
21. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Художественная литература, 1986. — 543 с.
22. Тард Г. Толпа и публика // Тард Г. Социальные этюды. СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1902.- 368 с.
23. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. — 784 с.
24. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. — 192 с.
25. Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. — 448 с.
26. Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999. — 782 с.

27. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2005. — 208 с.
28. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. — 527 с.
29. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N. Y. : Free Press, 1965. — 474 p.

Анализ социального потенциала современной массовой культуры

А.Р. Кожаринова (Московский гуманитарный университет)

Аннотация. В статье анализируется роль массовой культуры в современном обществе. Автор выделяет такие функции массовой культуры как идеологическая, адаптационная, рекреативная, ценностно-ориентационная, социализирующая, коммуникативная, трансляционная.

Ключевые слова: массовая культура, идеология, адаптация, рекреация, ценность, социализация, коммуникация, трансляция специализированного знания.

В современном обществе, перешедшем на новую ступень исторического развития, роль массовой культуры и круг выполняемых ею функций постепенно изменяется и постоянно расширяется. Динамика функций массовой культуры от в основном развлекательной к преимущественно адаптационной и социализирующей, стала предметом научных споров среди многих исследователей. Критический обзор литературы по функциональному анализу массовой культуры представляет собой отдельную задачу. Поэтому ограничимся кратким рассмотрением функций массовой культуры, ставших важнейшими в современном обществе.

Идеологическая функция массовой культуры

На смену понимания идеологии как ложного сознания (К. Маркс и Ф. Энгельс), в XX веке пришли множество новых пониманий: идеологическое как синоним семиотического М.М. Бахтина, идеология как апология существующего порядка К. Мангейма, идеология как

способ установления культурной гегемонии (достаточного уровня согласия в обществе) А. Грамши, идеология как укрытие от «травматической реальной сущности» С. Жижека⁵⁰, идеология как «маска и оружие» и «симптом и лекарство» К. Гирца⁵¹ и т.д. Интересен подход Р. Барта, который рассматривает идеологию как знаковое образование. Он первый связал коннотацию знака с областью идеологии: «Что касается коннотативного означаемого, то оно обладает всеобъемлющим, глобальным и расплывчатым характером: это — фрагмент идеологии»⁵². Из аспектов идеологии, выделяемых философом, подчеркнем интересные нам: претензия на универсальность, агрессивность, стремление к подавлению личностного сознания и отчуждению ответственности индивида, стереотипность, предлагающая набор узнаваемых клише (Барт, 1975). Бросающиеся в глаза пересечения выделенных Р. Бартом аспектов идеологии с сущностными особенностями массовой культуры, подтверждают чрезвычайную идеологическую насыщенность последней.

Говоря об идеологической функции масскульта, мы подразумеваем под ней способность этой культурной формы внушать своим потребителям выгодные определенным социальным структурам идеи и представления, подменяющие рациональное понимание действительности. Реализация идеологической функции культуры осуществляется тем легче, чем хуже образован и чем более интеллектуально пассивен объект воздействия; чем значительнее предлагаемые идеологией тезисы связаны с конкретными условиями жизни людей; чем больше факторов (как то — сложные материальные условия существования, отсутствие свободного времени, наличие развлекательного досуга, уводящего от рефлексии и проч.) отвлекают аудиторию. Основным содержанием идеологической функции массовой культуры становится создание иллюзорной, оторванной от действительности мифологизированной картины мира, формирование потребительского отношения к миру. «...Массовая культура является своеобразной сублимацией желаний, инстинктов, стремлений...

⁵⁰ Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М., 1965. — С. 26.

⁵¹ Гирц К. Идеология как культурная система // НЛЮ. 1998. № 29.- С. 10-13.

⁵² Барт Р. S/Z. М., 2001. — С. 216.

индивид как — бы перемещается в мир, предложенный ему массовым проектом, и лишь здесь он чувствует себя комфортно и безопасно, действительность же начинает восприниматься по законам массового зрелища»⁵³.

Массовая культура играет важную роль в формировании национального сознания. Исследователь Г.П. Хорина выделяет такие базовые элементы государственной идеологии в области формирования национального сознания, как представление о судьбе и предназначении данной нации, о векторе исторического развития нации и ее вкладе в культурную сокровищницу человечества, об оценке имеющегося у нации исторического опыта и т.п.⁵⁴. Созданные непосредственно для этих целей тексты массовой культуры вполне справляются с поставленными задачами. Сегодня масскульт фактически формирует национальный язык, создает национально-культурные стереотипы, регулирует поведение индивида, влияет на коммуникации как внутри нации, так и вне ее (в процессе формирования глобальной культуры).

Мышление, формирующееся под влиянием средств массовой коммуникации, становится все больше структурированным извне. Механизмы идеологического воздействия делаются все более сложными и утонченными: латеральное программирование психики (прикрытие главного в высказывании чем-либо, не имеющим значения), внушение, обращение к глубинным слоям психики, создание положительного прагматического фона, создающего устойчивое видение привлекательного будущего состояния и т.п. Это приводит к тому, что люди при потреблении текстов массовой культуры получают не информацию, а интерпретацию информации, в которой форма начинает господствовать над содержанием. Так воплощается цель массовой культуры — воспитание сознания, не умеющего противостоять индоктринационному воздействию средств массовой коммуникации.

Важнейшей сферой, контролируемой идеологией, является когнитивная сфера. Поэтому властные структуры берут сферу познания

⁵³ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2004. — С. 59-60.

⁵⁴ Хорина Г.П. Идеология в системе культуры. М., 2007. — С. 303.

масс под свой особый контроль. Идеологически выгодное формирование того, что думают массы об окружающем мире и о самих себе, как части этого мира — важнейшая задача власти. Связь науки с идеологией усиливает воздействие на массы последней, как бы конституируя идеологические положения авторитетом естественных законов, убеждая изречениями великих ученых, сведениями из истории науки, используя научный язык, иллюстрируя свои положения цифровыми выкладками и т.п. Таким образом, наука придает идеологии весомость, снабжает определенной легитимностью, объясняя через законы природы защищаемый идеологией общественный порядок.

Адаптационная функция массовой культуры

С помощью масскульта индивид приспосабливается к быстро меняющимся внешним условиям, что становится особенно полезным в условиях забвения традиционной культуры. В результате потребления продукции массовой культуры происходят восстановление и умножение производительных сил человека, снятие его психоэмоционального напряжения, что является результатом реализации ее рекреационной функции.

Культурной адаптацией называется приспособление индивидов, социальных групп или обществ к природно-географическим и социально-историческим условиям через изменения поведенческих стереотипов, элементов сознания, норм и ценностей, образа жизни, культурной картины мира, механизмов коммуникации и т.д. Эволюционисты (Л. Морган, Г. Спенсер, Э. Тайлор и др.) и неэволюционисты (А. Вайда, Р. Раппопорт, Л. Уайт и др.) считали культурную адаптацию важнейшим механизмом культурной изменчивости. В традиционных обществах присутствовала культурная адаптация преимущественно к окружающей природной среде и социуму. В индустриальном и постиндустриальном обществах наблюдается, в первую очередь, культурная адаптация к потребностям экономики и созданной вокруг человека искусственной среде обитания. Из-за этого изменения и происходит трансформация методов культурной адаптации. В эпоху современности массовая культура становится важнейшей культурной формой, способствующей, в первую

очередь, адаптации человека к социуму. Благодаря массовой культуре, индивид погружается в определенную коммуникационную среду, где ему предлагаются паттерны поведения для выхода из проблемных ситуаций. Именно в масскульте массовизированный индивид черпает навыки, механизмы и нормы, имеющие адаптивное значение и приносящее конкретную пользу для разрешения проблемных обстоятельств в его обыденной жизни. Представителю массы, не обладающему способностью творческого подхода к выбору наиболее подходящего из разнообразных жизненных сценариев, приходится в решении своих проблем ориентироваться на героев ток-шоу и сериалов, «звезд» шоу-бизнеса, спорта, частично перекладывая на них ответственность за принятие своих решений. Выбор шаблонных вариантов выхода из проблемной ситуации, некритическое восприятие этих вариантов, пассивность, усвоение позиции большинства — такое поведение массовизированного индивида может иметь как отрицательные, так и положительные стороны. С одной стороны это приводит к нивелировке личности, потере способности самостоятельно принимать решения, что лишает индивида креативности и приостанавливает духовный рост. С другой стороны, решение проблем на основе выбора из предлагаемых ему сценариев снимает у индивида стресс, сопутствующий этому выбору и увеличивает число возможных вариантов выхода из кризиса.

Рассматривая масскульт как культуру, способствующую социальной адаптации, уместно будет отметить ряд исследований (Э.С.Маркарян, А.А.Налчаджян), авторы которых выделяют негаэнтропийную функцию культуры, то есть рассматривают роль культуры в противостоянии хаотизации (росту энтропии) в общественных системах. Реализация негаэнтропийной функции массовой культуры предотвращает социальную дезорганизацию. Через типизацию поведения, массовая культура как бы цементирует общество, обеспечивая единство его отдельных составляющих, что дает властным структурам возможность манипулирования общественным сознанием с целью подчинения поведения масс необходимому курсу. Однако нельзя не отметить и противоположную тенденцию: массовая культура

способна не только снимать стресс, но и порождать его. Понимание классиками психоанализа культуры как среды, налагающей на индивида ограничения («Неудовлетворенность культурой» З. Фрейда, «Невротическая личность нашего времени» К. Хорни), безусловно, имеет непосредственное отношение и к массовой культуре. Недостижимые для большинства образцы роскошной жизни, предлагаемые масскультом, порождают противоречие между потребностями масс и их реальными возможностями. Возникающий на этой почве стресс отнюдь не повышает адаптационный потенциал индивида. В подобных ситуациях массовая культура невротизирует личность, что становится примером реализацией антиадаптационной функции массовой культуры.

Значение адаптационной функции актуализируется в современную эпоху, характеризующуюся быстрой сменой внешних обстоятельств: общественно-политического строя, социального статуса, нравственных идеалов, места жительства, модели семейных отношений и т.п. Особую роль адаптационная функция массовой культуры играет в России, когда в ситуации переходного периода постоянно трансформировались политические, социальные и экономические условия. Индивидуальные особенности личности не успевали меняться такими же темпами. Представляющая специфическую интерпретацию бытия массовая культура в новых условиях частично взяла на себя роль культурной формы, повышающей социально-адаптационный потенциал индивида. Все сказанное дает нам возможность признать важность феномена массовой культуры в деле повышения адаптационного потенциала массовизированного индивида.

Рекреативная функция массовой культуры

Рекреативная функция массовой культуры заключается в ее способности содействовать восстановлению человеком своих физических и духовных сил. Причем речь идет не только о восстановлении, но и о расширенном воспроизводстве израсходованных сил, что необходимо для дальнейшего роста производительности труда. Образ жизни современного человека, как правило, диктуется ему властными структурами, что противоречит онтологическим основаниям

бытия и приводит к коренной перестройке личности, выражающейся в потере своего Я, одиночестве, деперсонализации, противопоставлении себя обществу и другим индивидам. Кроме того, жизнь современных людей перенасыщена событиями, интеллектуальными и эмоциональными нагрузками, стрессовыми ситуациями. Узкая специализация, конвейерное производство, связанное с необходимостью выполнять мелкие однотипные операции, также создают колоссальное психоэмоциональное напряжение. Помимо затрат сил на производственную деятельность, индивида сопровождает необходимость сосредотачиваться на бытовых проблемах, внутрисемейных отношениях и т.д. Нервное напряжение почти всегда присутствует в жизни современного человека, что делает рекреацию особенно актуальной.

Массовая культура — самый простой и доступный вид рекреации. Сама сущность массовой культуры предполагает отсутствие усилий для ее восприятия. А это является условием для полного расслабления и отдыха ее потребителя. Пассивное потребление произведений массового искусства — самая распространенная форма досуга современных людей, а для многих — единственная. С появлением массового общества, члены которого пассивны по своей сути, свободное время становится предметом организации не самого индивида, а внешних по отношению к нему структур: государства, турфирм, руководства телеканалов и т.п. В XX веке создана индустрия досуга, освобождающая потребителя от усилий по организации собственного отдыха. Запросы массовизированного индивида, как правило, шаблонны, что позволяет угадывать его желания и умело направлять их в нужное русло. Индустрия развлечений приносит огромные доходы ее организаторам. Поэтому все в ней тщательно продуманно и основано на знании психологии и физиологии потребителя. Получается, что вместо того, чтобы стать полем «свободы» для современных людей, свободное время тоже остается полем «манипуляции» со стороны властных структур. Но даже при всех вышеперечисленных негативных моментах, складывается ситуация, в которой не теряется важность процесса рекреации, который сам по себе становится важнее его (процесса) последствий и

результатов. Монотонное течение будничного бытия вызывает потребность в празднике, который является логическим завершением трудового цикла. Людей привлекает возможность во время праздника сбросить с себя социальные маски, снять накопившееся напряжение⁵⁵.

Итак, в результате потребления продукции массовой культуры происходит восстановление и умножение производительных сил человека, снятие его психоэмоционального напряжения. Массовая культура — далеко не самая плохая форма релаксации из других возможных, например таких как наркотики, алкоголь, сексуальная распушенность. И если даже, как это происходит при потреблении низкокачественных образцов масскульта, результат рекреации оставляет желать лучшего, то процесс рекреации всегда остается ценным для общества.

Ценностно-ориентационная функция массовой культуры

Ценностно-ориентационную функцию массовой культуры можно определить как наставление на умение разобраться в окружающей обстановке и обстоятельствах, выработке общего ценностно-смыслового восприятия реальности.

Одной из особенностей ценностно-ориентационной функции массовой культуры становится формирование потребительской идеологии, которая «маркетизирует» все сферы существования индивида, формирует отношение к вещи как одной из важнейших ценностей бытия. Массовизированного индивида можно заставить приобретать любой разрекламированный продукт — вещь, услугу, информацию, произведение массового искусства. Потребности такого индивида не объективны, а искусственно сформированы. «Потребление у нас — прежде всего удовлетворение искусственно созданных прихотей, отчужденных от истинного, реального нашего «я»... На самом деле мы питаемся одной лишь игрой воображения, очень далекой от пищи, которую мы пережевываем. Наше нёбо, наше тело выключены из процесса потребления, в котором они должны бы быть главными участниками. Мы пьем одни ярлыки. Откупорив бутылку кока-колы, мы

⁵⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

упиваемся рекламной картинкой, ... призывом «Остановись и освежись!»), мы следуем великому американскому обычаю и меньше всего утоляем собственную жажду»⁵⁶. Консюмеризм воспитывается массовой культурой и порождается рядом причин. К ним можно отнести экономические причины (рост производительности труда), технологические причины (система обезличенного индустриального производства), социально-политические причины (отвлечение масс от социальных, глобальных проблем), психологические причины (отчуждение от природы, эскапизм и т.д.). В результате манипулятивной деятельности со стороны властных структур создается видимость того, что смысл производственной деятельности человека и заключается в акте потребления, а сам процесс потребления превращается в самоцель, сакрализуется и насыщается иллюзией духовного содержания.

Чтобы оправдать предлагаемую масскультом «реальность», массовая культура часто использует прием мифологизации этой реальности. Р. Барт описывает как из мифов о летающих тарелках, астрологии, пеномоющих средствах, национальной кухне и прочих, массовая культура складывает картину мира массовизированного индивида⁵⁷. Философ определяет целью современных мифов сокрытие реальности, преобразование ее в соответствии с ожиданиями аудитории. Помимо этого мифы еще и пробуют завуалировать свое «сокрытие реальности», то есть пытаются выглядеть правдоподобно и естественно. В отличие от первобытного мифа, современные мифы отрывочны и фрагментарны, но, как и архаичные мифы, они создают особый мир — понятный, предсказуемый и непротиворечивый. Даже сами названия продуктов получают мифологизированный статус (стиральный порошок «Миф», майонез «Мечта хозяйки»). В массовое сознание внедряется представление о том, что достаточно воспользоваться правильным шампунем или дезодорантом — и «вам обеспечено счастье».

Необходимо отметить, что по сравнению с традиционными обществами, где присутствовали трансцендентные ценности, масскульт

⁵⁶ Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. 1966. №1. — С. 231.

⁵⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. — С. 47-129.

нацелен на практические ценности: приобретение комфорта, достижение успеха и признания в обществе, построение личного счастья и т.п.

Социализирующая функция массовой культуры

Социализирующая функция массовой культуры заключается во включении индивида (мнимом или истинном — другой вопрос) в общественную жизнь, усвоении им социокультурного опыта (знаний, ценностей, норм поведения, верований, обычаев, традиций и проч.), соответствующих данному обществу или социальной группе. Социализация может быть как результатом целенаправленных, так и стихийных воздействий на индивида.

Теории социализации разрабатывались с конца XIX века. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что приспособление человека к социальной среде происходит активно, в результате их практической деятельности, параллельно с изменением этой самой среды⁵⁸. Э. Дюркгейм разработал теорию социализации, в которой подчеркивалась двойственная (биологическая и социальная) природа человека. Противоречия между этими двумя составляющими должно контролировать общество, воспитывающее индивида, направляющее природное в нем по общественно приемлемому и необходимому руслу. Э. Дюркгейм считал, что основной функцией социализации является приобщение индивида к «коллективному сознанию» с целью сохранения целостности общества⁵⁹. За основу социализации Г. Тард взял подражание учителя ученику. Он отмечал склонность людей к подражанию тем, кто их в чем-то превосходит, и писал: «общество — это подражание»⁶⁰. Для успешности социализации необходимо научить индивида подавлять личные интересы, действуя в угоду интересам общественным. Вопросов социализации как проблемы психологии касались также У. Джемс и З. Фрейд. Социолог Т. Парсонс определял социализацию как одно из средств сохранения социального

⁵⁸ Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений: в 50 т. Т. 23. М., 1960. — С. 188-189.

⁵⁹ Дюркгейм Э. Социология образования. М., 2007. — С. 115.

⁶⁰ Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892. — С. 89.

равновесия⁶¹. Ч. Кули и Дж. Мид считали, что индивид сам активно участвует в процессе социализации (Я-концепция)⁶². Понятие «социализация» разрабатывалось Э. Гидденсом, П. Бурдьё, Э. Фроммом, Ю. Хабермасом («критическая теория социализации») и многими другими. Общий анализ теоретических концепций социализации позволяет обнаружить в них два разных подхода: подход к социализации с позиции общества (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р.К. Мертон, К. Леви-Стросс и др.) и с позиции личности (Г. Тард, У. Джемс, Э. Фромм, М. Вебер, В. Дильтей, Дж. Г. Мид, Г. Блумер, Т. Лукман, А. Шюц и др.). Для объединения этих подходов становится целесообразным введение термина «культурная социализация», что и осуществляется в работах таких авторов как Р. Бенедикт, Р. Линтон, М. Мид и др. Отечественные исследователи определяют культурную социализацию как «двусторонний процесс (1) постоянной передачи обществом и (2) освоения индивидом в течение всей его жизни и особенно в молодом возрасте через посредство социализационных институтов (языка как средства коммуникации, игровой деятельности, образования, СМИ), культурных ценностей, реалий и идеалов культуры, выработки культурных потребностей и интересов, установок, жизненных ориентаций, этнокультурной самоидентификации, организации досуга, художественных предпочтений — в итоге: формирования культурных картин мира, — позволяющий индивиду функционировать в пространстве культуры данного общества»⁶³.

Выделяются социально-психологические и социально-педагогические механизмы социализации. К социально-психологическим механизмам относятся импринтинг (запечатление), подражание, рефлексия, экзистенциальный нажим (овладение языком и неосознанное усвоение социальных норм). К социально-педагогическим

⁶¹ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.

⁶² Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994. — С. 316-329; Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994. — С. 229-230.

⁶³ Луков А.В. Культурная социализация [Электр. ресурс] // Знание. Понимание. Умение. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Lukov_AV/ (дата обращения 28.04.2014).

механизмам социализации относятся традиционный механизм социализации, происходящий под действием ближайшего окружения; институциональный механизм социализации, происходящий под действием социальных институтов; межличностный механизм социализации, происходящий под действием значимых для социализирующегося индивида лиц. Массовая культура реализует и те, и другие механизмы социализации, погружая новоевропейского индивида в свое пространство практически с младенчества и продолжая социализировать его до последних лет жизни.

Если в традиционной культуре агентами социализации являлись люди, которые непосредственно вступали в контакт с человеком (родители, члены семьи, соседи, сверстники, учителя, представители клира), то в современном обществе социализация все больше происходит под влиянием средств массовой коммуникации, которые частично замещают традиционные каналы образования и воспитания.

Коммуникативная функция массовой культуры.

В XX веке коммуникации, изменившись как качественно, так и количественно, приобрели невиданный в истории размах, став дистанционными и распространившись во времени и в пространстве⁶⁴.

Г. П. Щедровицкий выделял три типа коммуникативных стратегий: презентация, манипуляция, конвенция. Массовая культура на известном уровне способна реализовывать все из них. Презентация, являясь пассивным способом коммуникации, просто содержит сообщение о предмете, событии, явлении. Если говорить о стратегии презентации в массовой культуре, уместно вспомнить, как массовая культура

⁶⁴ Среди культурфилософских учений XX века, посвященных проблемам коммуникации, можно перечислить философскую герменевтику (Г.Г. Гадамер, Э. Бетти, П. Рикёр, Л. Парейсон, Дж. Ваттимо), аналитическую философию (Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Дж. Мур, У. Куайн), экзистенциализм (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Г. Марсель) и другие. В своей теории коммуникативного действия Ю. Хабермас переосмысливает коммуникативную природу социальной реальности, беря за основу коммуникации язык как всеобщее пространство существования. Н. Луман считает коммуникацию сущностной характеристикой общества и трактует власть как средство социальной коммуникации. В России о проблемах коммуникации писали Ю. М. Лотман, М. К. Мамардашвили, Г. Г. Почепцов, А. В. Соколов, Г. Е. Третьяк, Г. П. Щедровицкий, И. П. Яковлев и многие другие.

представляет своим потребителям артефакты элитарной культуры, адаптируя их для массового сознания (оцифровка классической музыки или шедевров изобразительного искусства, репродуцирование полотен известных художников, трансформация литературных произведения в сериалы или даже комиксы). Подобная презентация не только меняет изначально заложенную автором элитарного произведения форму сообщения, но и существенно искажает его, однако определенная часть сообщения все-таки доходит до адресата. Манипуляция (активный тип коммуникации) предполагает передачу сообщения с использованием скрытых механизмов воздействия, применяемых для управления поведением людей. Эта стратегия является однонаправленной, поэтому коммуникация при ее реализации почти уничтожается, поскольку при такой коммуникационной стратегии истинные цели коммуникации остаются непонятыми адресатом, что создает пространство некомпетентности. Манипулятивная коммуникационная стратегия не может быть успешно осуществлена без участия властных структур. Идеологически нагруженная массовая культура постоянно использует этот тип коммуникации, особенно в пропаганде и рекламе. Конвенция (интерактивный тип коммуникации) осуществляется при условии соглашений между субъектами коммуникации⁶⁵. Задача конвенциональной коммуникационной стратегии — обеспечить сотрудничество между отдельными структурами коммуникационной среды через цепочку консенсусов с целью достижения соглашения относительно решения практических задач или налаживания коммуникационного процесса в будущем. Этот тип коммуникации становится все более популярным в информационном обществе, в котором востребованной становится обратная связь с адресатом.

Средства массовой коммуникации создают вокруг современного индивида некий метатекст, который содержит все, что его окружает:

⁶⁵ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. — С. 396-402.

представления о мире, шутки, стиль, одежда, быт, политические взгляды, ценности и т.д. При потреблении этого метатекста формируется коллективное сознание, внутри которого у каждого члена массового общества наличествует почти такой же набор образов, как и у всякого другого. Более того, сама коммуникация проистекает при помощи образов, заложенных в сознание коммуникацией же. Так масс-медиа формируют нашу культуру.

Трансляционная функция массовой культуры

Ученые выделяют два уровня культуры — обыденную и специализированную. Обыденная культура соотнесена с повседневной жизнью, общепонятна, общедоступна, ограничена сферой ближайшего существования индивида, усваивается в процессе инкультурации и социализации⁶⁶. Специализированная культура усваивается в процессе профессиональной подготовки, она институционализована и связана с дальним окружением человека. Для того чтобы овладеть специализированным уровнем культуры необходима профессиональная подготовка. Специализированная культура создает и аккумулирует специализированный социокультурный опыт любой направленности, а затем транслирует его на уровень обыденной культуры. Каждому элементу специализированного уровня соответствует «переведенный» на обыденный уровень элемент. Так образуются связки богословие — профанный уровень религиозного знания или суеверие, экономика — практика ведения домашнего бюджета, художественная культура — эстетика украшения жилья, наука — представления о науке и т.д. Каналами связи между двумя уровнями культуры становятся сфера образования, средства массовой коммуникации, социальные институты, учреждения культуры.

⁶⁶ Уровень обыденной культуры рассматривали прагматисты (У. Джемс), представители логического позитивизма и философии языка (Л. Витгенштейн, Дж. Серль, Г. Райл), социологи (М. Вебер, А. Шюц и Г. Горфинкель, Т. Парсонс, П. Бурдьё), структуралисты (М. Фуко, Р. Барт), позднее их идеи частично развивались Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Бодрийяром, У. Эко, а также отечественные ученые М.М. Бахтин, Б.Ф. Поршнев, А.Я. Гуревич, Ю.М. Лотман и другие. Обыденная культура усваивается в малой группе (семья, родня, ровесники), в системе общего образования (школа), а также при помощи СМИ, церкви и некоторых других социальных институтов (дошкольные учреждения, кружки, клубы, армия).

Основу обыденного уровня культуры составляет обыденное сознание⁶⁷, продуцирующее повседневное, житейское или обыденное знание, содержащее исходные представления человека о повседневной реальности. Обыденное знание не требует доказательств и имеет критериями истинности повседневный опыт, свою практическую полезность и соответствие тому, что называется «здравым смыслом». В силу перечисленного, данный феномен обладает некоторой степенью внутренней противоречивости, иррациональности. Критерии его истинности, как мы видим, достаточно относительны, являясь таковым именно в силу своей «биографической детерминированности»⁶⁸. Обыденное знание передается, по большей части, устно и тесно связано с языковой картиной мира его носителя. Оно не систематизировано и чаще всего сводится просто к констатации фактов, научно не обосновано.

Специализированное знание возникает с момента выделения в обществе отдельных личностей или групп, занимающихся творческой, новационной деятельностью. Первыми носителями специализированного знания в первобытном обществе были старейшины и шаманы, в древних цивилизациях — жрецы, писцы и т.д. Этот вид знания определяется в большей мере теоретической, чем практической ориентацией. Специализированное знание, в отличие от обыденного знания, систематизировано. Оно нуждается в проверке и доказательствах, фиксируется письменно в специальном языке, передается от учителя к ученику. Усвоение специализированного знания требует наличия у ученика определенных умственных способностей. Его формализованность, абстрактность, оторванность от повседневного контекста делает невозможным интуитивное усвоение специализированного знания, что вынуждает познающего субъекта

⁶⁷ Термин «обыденное знание» был введен основателем социальной феноменологии А. Шюцем. В работе «Структура повседневного мышления» он показывает, что в повседневной жизни восприятие индивидом мира состоит из соотношения получаемого в определенный момент знания, с уже существующим «наличным знанием», основанным на обретенном ранее личном опыте, и опыте, транслируемым ему родителями или учителями.

⁶⁸ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. — С. 129-137.

совершать интеллектуальные усилия при получении этого вида знания. Специализированное знание чаще всего постигается индивидом в процессе профессионального обучения, либо непосредственно в процессе профессиональной деятельности.

Обыденное знание не может быть таким источником развития общества, каким является специализированное знание. Все новые смыслы первоначально возникают в специализированном знании, которое затем диффундирует в обыденное практическое знание, постоянно реформируя его и наполняя новыми смыслами. Для адекватного перевода одной системы знания в другую, требуются специально разработанные обществом механизмы трансляции, придающие специализированному знанию формы, усваиваемые обыденным сознанием. Механизмы перевода трансформировались в истории: от первобытного мимесиса к средневековым глашатаям, от церковных проповедей к современным СМИ. Поскольку в истории человечества уровень профессиональной специализации неуклонно возрастал и разрыв между специализированным и обыденным знанием постоянно увеличивался, усложнялись и механизмы его трансляции. Итак, между специализированным и обыденным познанием лежит пропасть, которая становится все глубже о мере развития современной науки. Поэтому всегда существовала, а в современном обществе усилилась, необходимость в культурных формах, ликвидирующих разрыв между описанными уровнями знания. Исследователи⁶⁹ считают, что наиважнейшей социальной функцией культуры вообще является функция трансляции специализированного знания на язык обыденного сознания. На современном этапе, функцию транслятора культурных смыслов выполняет массовая культура, которая становится системой «по «растолковыванию» ... информации ее потребителю, определенной «инфантилизации» ее образных воплощений, а также «управлению» сознанием и потребностями массового потребителя в интересах производителя этой информации, предлагаемого товара, услуг и т.п.»⁷⁰.

⁶⁹ Орлова Э.А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры: Структура и динамика. М., 1984. — С. 281-305; Негодаев И.А. Информатизация культуры. Ростов/нД, 2003. — С. 62.

⁷⁰ Флиер А.Я. Некультурные функции культуры. М., 2008. — С. 244.

Таким образом, важнейшей функцией массовой культуры в информационном обществе становится трансляционная функция, под которой мы понимаем роль массовой культуры в процессе однонаправленной передачи информации от источников, владеющих специализированным знанием, к получателю — массовой аудитории, происходящей при синхронической коммуникации.

Итак, функциональный анализ массовой культуры показывает, что в информационном обществе она становится важнейшей культурной формой, способствующей рекреации, социализации, адаптации индивида к социальным изменениям, она формирует в массах представления о ценностях, является проводником идеологии и транслятором специализированного знания от источников, владеющих специализированным знанием, к получателям — массовой аудитории.

Библиографический список

1. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
3. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: "за" и "против". М.: Прогресс, 1975. — 159 с.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. — 453 с.
5. Гирц К. Идеология как культурная система // НЛО. 1998. № 29.- С. 10-13.
6. Дюркгейм Э. Социология образования. М.: Директ-Медиа, 2007. — 115 с.
7. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный Журнал, 1999. — 237 с.
8. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества — 2 изд. М.: УРСС, 2004. — 352 с.
9. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994. — С. 320-327.

10. Луков А.В. Культурная социализация [Электр. ресурс] // Знание. Понимание. Умение. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Lukov_AV/ (дата обращения 28.04.2014).
11. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений: в 50 т. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
12. Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994. — 496 с.
13. Негодаев И.А. Информатизация культуры. Ростов/нД: ЗАО «Книга», Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994. — 320 с.
14. Орлова Э.А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры: Структура и динамика. М.: Наука, 1984. — С. 281-305.
15. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. — 832 с.
16. Тард Г. Законы подражания. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892. — 370 с.
17. Флиер А. Я. Некультурные функции культуры. М.: МГУКИ, 2008. — 272 с.
18. Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. 1966. №1.
19. Хорина Г.П. Идеология в системе культуры. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2007. — 303 с.
20. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. — С. 129-137.
21. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. — 800 с.

Массовая культура: особенности реализации социального потенциала в формирующемся информационном обществе

А.В. Костина (Московский гуманитарный университет)

Аннотация. В статье показано, что несмотря на весьма аргументированные прогнозы социальных философов об особом характере информационного общества, порождающего феномен индивидуализированного и творческого труда, что автоматически снимает возможность существования или сколько-нибудь существенного места в обществе массовой культуры, ее значение постоянно возрастает. Доказывается, что в формирующемся информационном обществе массовая культура выполняет целый ряд социально значимых функций.

Ключевые слова: массовая культура, информационное общество, социальная солидарность, адаптация, идентификация, национальная культура.

Сегодня в социальной философии доминирует точка зрения, согласно которой значимость массовой культуры все время уменьшается, что в скором времени должно привести к дезактуализации этой культурной формы. Каковы аргументы тех, кто скептически оценивает позиции массовой культуры в постиндустриальном и информационном обществе? Прежде всего, следующий. Массовая культура есть порождение массового индустриального общества с характерными для него формами производства — заводского и фабричного, — предполагающего вовлечение в технологические процессы больших масс людей. Информационное общество основано на ином ресурсе — ресурсе знания и информации, на новых технологиях и научных открытиях, индивидуализированном труде. Масса как социальный феномен перестает быть атрибутом этого типа общества, соответственно, и массовая культура не может в нем существовать.

Аргумент теоретически безупречный, но, тем не менее, он приводит к неверному выводу. Несмотря на многочисленные прогнозы, массовая культура продолжает успешно функционировать и сегодня.

Причем, даже в общественных системах, наиболее близко подошедших к той стадии развития, которую исследователи обозначают как «информационное общество». Успешно развивается массовая культура и в тех обществах, которые только стремятся к построению «информациональной», по М. Кастельсу, экономики.

В чем причина такой устойчивости массовой культуры и ее способности к мимикрии в любых социальных обстоятельствах? Причина очень проста — появление массовой культуры не было «побочным продуктом» развития средств массовой информации в начале XX века — эта форма появилась не случайно, она была порождена требованиями социокультурного развития, и ее главной задачей было налаживание коммуникации в новом — классовом — обществе. Массовое индустриальное общество принципиальным образом перестроило прежнюю социальную систему. Сословия, достаточно непроницаемые группы, войти или покинуть которые было весьма затруднительно (об этом история и литература сохранили множество примеров, причем, достаточно драматических), были разрушены. Им на смену пришли классы — социальные общности, принадлежность к которым определялась не рождением, а экономическим положением.

Эти группы не отличаются стабильностью, в самом обществе существует восходящий и нисходящий «лифтинг», позволяющий индивидам перемещаться из класса в класс — как вверх, так и вниз по социальной лестнице. Причем, эти социальные группы различаются друг от друга системой ценностей, образом жизни, образованием, нормами поведения и т.д. и т.п., и преодолеть эту замкнутость групп, налаживать между ними коммуникацию была призвана массовая культура. А поскольку эти различия в информационном обществе только увеличиваются, так как экономика ориентируется как на самые интеллектуальные сферы деятельности, связанные со сложным управлением и требующие элитного образования, так и на самые простые, связанные с ручным неквалифицированным трудом, потребность в котором даже возрастает, постольку увеличивается и значимость массовой культуры.

И принципиально важным здесь представляется то, что массовая культура и возникла в тех условиях, когда массовое общество только начинало приобретать свои классические очертания и когда его нестабильность, конфликтность, противоречивость стали проступать со всей очевидностью. Массовая культура должна была элиминировать эту напряженность, организовать процедуры понимания и циркуляцию смыслов не внутри каждой субкультуры, а между ними, защитить общество от распада под влиянием социальных катаклизмов и сформировать те каналы коммуникации, которые станут основными в эпоху информатизации. Таким образом, возникновение массовой культуры не было случайным, она было обусловлено объективными факторами, среди которых особое значение приобретает ее способность осуществлять в культурном сообществе взаимообмен ценностями и смыслами, выработать общность картины мира, единые стандарты поведения, что позволяет говорить о массовой культуре как специфическом механизме, обладающим весьма значительным конструктивным социальным потенциалом — как в массовом индустриальном, так и информационном обществе.

Для реализации этой функциональности массовая культура выработала целый арсенал средств и механизмов, которые были направлены на реализацию стратегий управления обществом. Эту функцию массовой культуры примерно с середины прошлого столетия ее критики небезосновательно называли «манипулятивной», имея в виду способность этой культуры к активному воздействию на массовое сознание. Затем — спустя несколько десятков лет — начали говорить о ее способности «мягко управлять, соблазняя», тот есть, осуществлять не жесткий тотальный контроль масс, подобный описанному в «1984» Дж. Оруэллом, а незаметное и не вызывающее сопротивления управление.

Несмотря на то, что наше сознание, воспитанное в духе ценностей либерализма, сопротивляется приятию этого факта как некоей социальной нормы, а также, несмотря на то, что мы определяем свое поведение и линию поступков как продиктованные исключительно собственной волей и разумом, влияние массовой культуры мы все равно испытываем. Это связано с тотальностью ее проявлений, разнообразием

ее форм и стремительностью расширения ареала ее существования. Однако этот факт не является столь негативным, напротив, массовая культура — это, конечно, и определенное содержание — упрощенное, поверхностное, развлекательное, но и форма представления этого содержания, механизм его распространения, те каналы коммуникации, которые позволяют функционировать информации, имеющей существенное социальное и культурное значение. В обществе, развивающемся в глобальном информационном пространстве и воспринимающем все смысловые императивы, существующие в мире — а они весьма разнообразны и принципиально отличны друг от друга! — массовая культура может и должна выстраивать определенную смысловую континуальность, основанную на многообразном единстве значений.

Представляется принципиально важным, что значение массовой культуры для общества и необходимость использования ее механизмов в целях формирования национального единства рассматривается на уровне первых лиц государства. Так, в статье Президента России В. Путина «Россия: национальный вопрос» отмечается: «Соответствующие требования должна задавать и государственная политика в области культуры. Имеются в виду такие инструменты, как телевидение, кино, Интернет, массовая культура в целом, которые формируют общественное сознание, задают поведенческие образцы и нормы. Вспомним, как американцы с помощью Голливуда формировали сознание нескольких поколений. Причем внедряя не худшие — и с точки зрения национальных интересов, и с точки зрения общественной морали — ценности [...]. Государство обязано и имеет право и свои усилия, и свои ресурсы направлять на решение осознанных социальных, общественных задач. В том числе и на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию»⁷¹.

Вопросы, связанные с историей массовой культуры и ее особенностями на индустриальном, постиндустриальном и информационном этапах развития, ее функциями, которые она

⁷¹ Путин В.В. «Россия: национальный вопрос» // Независимая газета. 2012. 23.01. [Электр. Ресурс]. URL: www.mak-prof.com/blog (дата обращения 03.10.2014).

выполняет в обществе, теми формами, в которых она существует сегодня, обладают определенной новизной постановки проблемы, которая заключается в том, что:

- опровергается идея о естественном сокращении ареала распространения и форм представления массовой культуры в информационном обществе;
- доказываемая продуктивность массовой культуры в современных общественных системах;
- раскрываются новые функции массовой культуры на современном этапе ее развития;
- показывается способность массовой культуры выполнять образовательную функцию и выступать не только в качестве «индустрии знания», но и популяризатора науки;
- иллюстрируется способность массовой культуры выступать в качестве новой мифологии;
- обосновывается положение о продуктивности использования механизмов массовой культуры в процессе формирования национальной идентичности.

Многие из этих положений развивают тезисы, излагаемые автором в целом ряде работ⁷². Однако, несмотря на то, что первые из них были опубликованы почти два десятилетия назад, идеи, в них изложенные, стали общепризнанными лишь отчасти. Все это определяет актуальность данных теоретических положений.

Массовая культура полностью равноправна — естественно, не содержательно, но функционально — традиционной и элитарной культурам. Это связано с ее выполнением в обществе целого ряда принципиально важных для его целостности и его социального единства функций. С элитарной массовой культурой связана функция адаптации специализированного знания и трансляции его массам. О связи первой и

⁷² Костина А.В. Массовая культура: теория и практика. М., 1999.

Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2008.

Костина А.В. Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2009.

Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М., 2010.

второй свидетельствует также и достаточно эффективная формула, предложенная автором статьи еще в ранних работах: «элитарное — в массовых формах и массовое — в элитарных», ставшая ключом к анализу советской культуры 1920-х и 1930-50-х годов⁷³. Между культурой народной городской и массовой, достаточно определенно вписывающейся в границы «третьего пласта» и выполняющей развлекательные, игровые функции, существует значительное родство, и связь между ними не прерывается и сегодня.

Необходимо отметить, что методологическое значение функционализма велико в процессах анализа алгоритма развития основных типов культуры — традиционной, элитарной, массовой. При этом функциональная природа традиционной культуры проявляется в том, что она выступает как механизм сохранения социокультурной информации, элитарной — в том, что она является механизмом производства новых значений и смыслов культуры, массовой — в том, что она функционирует, как механизм стабилизации социальных структур. Эти типы культуры формируются в различных исторических обстоятельствах. Традиционная культура оформилась в границах первобытной (эколого-генетической) стадии развития общества. Формирование элитарной культуры связано с появлением ранних цивилизаций, управление которыми требовало специфических навыков, специализированных знаний, а также рождения новых способов их трансляции. Появление массовой культуры связано с формированием индустриальных отношений и появлением такого социального актора, как массовизированный индивид⁷⁴.

Ориентация традиционной культуры, преимущественно, на воспроизводство и консервацию, а элитарной — на инновативность и развитие естественным образом приводит к рассогласованию этих типов культуры по времени и содержательному наполнению, которое по мере их развития не только не сглаживается, но экспоненциально

⁷³ Костина А.В. Диалектика массового и элитарного в современной культуре: В 2-х частях. — М., 2001; Костина А.В. Проблемы массового и элитарного искусства. М., 2005.

⁷⁴ Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М., 2010.

увеличивается. В XX веке с его информационным взрывом, осуществленным в рамках специализированной культуры и проявившим себя наиболее ярко в науке и технике, а также в искусстве авангарда, это привело к столь существенному разрыву этих культур, что смыслы первой стали принципиально не доступными для не посвященных, а сама она стала рассматриваться как «элитарная» — то есть, принципиально закрытая. Такая ситуация рассогласования развития специализированной и неспециализированной культур была одной из существенных причин формирования массовой культуры, призванной наладить в социокультурной системе механизм циркуляции смыслов и значений⁷⁵.

Способы кодификации информации, присущие традиционной, элитарной, массовой культурам, формируют и определенный тип мышления. Традиционная культура ориентируется на устную форму передачи информации и символическую фиксацию текста, основными формами организации которого становятся комплементарность, вариативность, наличие устойчивых структур, фреймов, эстетическое, смысловое и аксиологическое равноправие версий, отсутствие оригинала и первоисточника. В элитарной культуре основным способом фиксации информации является знаковая фиксация. Отделение информации от производящего ее субъекта, а текста звучащего от изобразительно фиксированного привело к формированию абстрактного мышления, появлению философии и науки. Письменный метод организации информации обусловил аксиологическое доминирование в культуре именно тех текстов, которые воплощали в себе принципы рациональности, детерминизма и линейности, и основывались на оригинальности и сложности.

Массовая культура ориентируется на экранный способ передачи информации, где на смену принципам системности и детерминизма приходят антииерархичность, нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм. Культура экрана, основанная на демонстрации визуальных образов, влияет на формирование сознания,

⁷⁵ Костина А.В. Массовая культура как механизм социальной стабилизации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. № 2 (1). Киров. 2010. — С. 98-101.

которое начинает выступать как клиповое, опирающееся на эмоциональное, но не интеллектуальное постижение идеи, что позволяет ей обрести особую полноту влияния на массовое сознание и возможность манипулирования им.

Этническая, национальная и массовая культуры обладают специфическими стратегиями формирования идентичности. Идентичность в границах этнической культуры определяется, преимущественно, подчинением индивида социальному целому, когда каждый индивид представляет не от себя лично, но от имени племени, рода, этноса, группы. Национальная культура, надстраиваясь над культурой этнической, основывается также на территориальном, религиозном и культурном единстве.

В массовой культуре идентичность формируется на основе общности потребления, которое становится основным способом коммуникации индивида с социумом, а адаптация личности осуществляется посредством ее пассивного подчинения социальным нормам⁷⁶. Но наиболее важным средством идентификации здесь становится единство закона и то чувство общности, которое связано с социальной, гражданской гомогенностью. И в процессах создания национальной идентичности наряду с национальной участвует и массовая культура, что позволяет говорить о конструктивности социального потенциала массовой культуры в информационном обществе. Вопреки сложившемуся мнению о том, что национальная культура создается только через механизмы высокой специализированной культуры — через образование и институты музеев, театров, библиотек, можно с уверенностью утверждать большое значение в этих процессах и массовой культуры. Она формирует национальное единство через внятную идеологию, через сакрализацию истории народа, через систему социально значимых мифов и проективных значений.

Наконец — одно из главных положений! — массовая культура является специфической культурной формой, содержание которой

⁷⁶ Костина А.В. Национально-культурная идентичность как проблема развития современной России // Обсерватория культуры. Журнал-обзорение. 2011. № 2. — С.37-41.

определяется ее субъектом, в качестве которого выступает не столько особая профессиональная группа, создающая ее артефакты в соответствии с законами социальной психологии и рыночных отношений, сколько представители финансовой и политической элиты — владельцы каналов коммуникации. Но ведущим субъектом массовой культуры является государство. И это принципиальный момент, о котором, как правило, не говорится. С чем связана такая фигура умолчания? — по-видимому, с тем, что отношение к массовой культуре в обществе по преимуществу негативное. Если и говорится о культурной политике, то по отношению к культуре в целом. В таком прочтении культура выступает как нечто позитивное, высокое, то, что нуждается в поддержке. Массовая же культура характеризуется как коммерческий продукт, как способ манипуляции массовым сознанием.

Однако эти негативные (как об этом принято говорить!) особенности массовой культуры выступают в качестве ее огромного преимущества. Массовая культура, действительно, имеет коммерческую природу, но она — именно вследствие привлекательности и широчайшего распространения — может выступать как канал, через который возможно и необходимо распространять в обществе позитивную, социально значимую информацию. Важно, что отличительными особенностями массовой культуры являются такие, как ориентация на вкусы и потребности «среднего человека», исключительно высокая гибкость, способность трансформировать артефакты, созданные в рамках других культур и превращать их в предметы массового потребления, коммерческий характер, использование клише при создании ее артефактов, а также связь со средствами массовой коммуникации как главным каналом распространения и потребления ее ценностей.

Основной функцией массовой культуры, обладающей собственными знаковыми кодами (наряду с адаптационной, коммуникативной, социализирующей, ценностно-ориентационной), является формирование особого пространства, комфортного для существования человека. Многие факторы развития современного общества, выступающие причинами психоэмоциональных перегрузок

человека, — такие, как урбанизация, индустриализация, усложнение социальных функций личности, плотность информационной среды, высокий уровень социальной мобильности — привели к развитию адаптивных и рекреационных механизмов массовой культуры, необходимых для поддержания равновесия социальной системы и ее сохранения.

Массовая культура в ситуации дезактуализации традиционной культуры стала той формой, которая выполняет в обществе совершенно особые функции, выступая в качестве фактора стабилизации общественной системы, а также механизма социализации и идентификации, обеспечивая циркуляцию тем значениям культуры, которые являются в данной системе смыслообразующими, позволяя общественно значимой информации участвовать в формировании, уточнении и корректировке картины мира, принимаемой большинством в качестве наиболее приемлемой, задавая вектор развития как малых общественных групп, так и каждого индивида, принимающего программу развития всего социума.

Именно как механизм социальной стабилизации массовая культура осуществляет «мягкое управление» массой, не способной к самостоятельному осуществлению активности, обладающей размытыми и подвижными представлениями о мире, отсутствием устойчивых идеалов и стандартов, ощущающей настоятельную потребность в руководстве. Массовая культура и существует, по преимуществу, как механизм адаптации индивида к различным социокультурным трансформациям, выполняя защитные и восстановительные стратегии.

Все эти особенности массовой культуры обусловлены тем, что в формирующемся информационном обществе, по сравнению с обществом массовым индустриальным, объективно изменяется значение и роль личности, активность которой фундируется не внешними побудительными стимулами деятельности, а, по преимуществу, внутренними. Более того, само становление этой системы оказывается обусловленным не только материальным прогрессом, но и изменением ценностных ориентаций личности, настроенной на творчество, развитие и самосовершенствование. В то же

время, представляется более точным говорить об изменении количественных, но отнюдь не качественных параметров формирующейся культуры: по-видимому, инновативная, сложная, специализированная культура, предполагающая высокую творческую активность, останется еще в течение достаточно продолжительного времени культурой высокообразованной части общества и с ростом этой социальной страты будет приобретать все более существенное значение, стандартизированная же культура сохранит свое доминирующее положение (по крайней мере, количественно) как культура социальных слоев, обладающих массовым сознанием.

Самое значимое, что массовая культура является универсальной формой. От того, какое содержание будет заложено в массовую культуру, такую функцию она и будет выполнять — через формирование собственного национального достоинства она может укрепить целостность государства, через насаждение чуждой идеологии может его разрушить, выступая своеобразным аналогом «пятой колонны». Фактически это и происходило после распада Советского Союза, когда поток западной массовой культуры — рекламы, фильмов, передач и т.п., — хлынувший из Европы и, особенно, из Америки, завершал дело разрушения государства через разрушение его ценностей, смыслов и идей. Создавая особую реальность и особую технологию производства этой реальности, массовая культура как «великий агент глобализации» (З. Бжезинский, Р. Стил) в своем североамериканском варианте стала производить и соответствующее ей глобальное сознание, опирающееся на ценности западной цивилизации и ее мировоззренческие установки, основу которых составляет философия позитивизма и прагматизма с ее принципами инструментализма и операционализма. И в этом аспекте можно приветствовать рождение сегодня таких фильмов, как «Высоцкий. Спасибо что живой», «Гагарин. Первый в космосе», «Легенда № 17», которые возвращают в сознание современного человека забытые имена и великие события, позволяя еще раз осознать значимость собственной истории.

В отличие от мемориальной и консервативной традиционной этнической культуры, массовая культура предельно динамична, она выступает не только как актуальная культурная форма, соответствующая представлениям о прогрессе, сложившимся в рамках европейской цивилизации, но и как прогностическая, нацеленная на реализацию идеально представляемого будущего. Массовая культура предельно открыта в том смысле, что она способна интегрировать новую информацию, привносимую извне и по происхождению чуждую, она лишена комплекса ксенофобии и потому естественно входит в контакты с другими культурами, достижения которых она органично включает в собственное пространство. Она, сохраняя специфические особенности самых разных культур, объединяет их на основе того общего, что существует между ними, образуя единое культурное, коммуникативное, информационное, смысловое, ценностное, символическое, семиотическое и ментальное пространство.

Как раз сочетание различных национальных вариантов массовой культуры — американского, японского, индийского, советско-российского — создает то культурное многообразие, которое основывается на толерантности как принципе сосуществования государств и народов (Кефели: 2004). Таким образом, массовая культура является универсальной системой, оптимальным образом соответствующей особенностям развития становящегося информационного общества.

В заключение отметим следующее: позитивный социальный потенциал массовой культуры огромен, его необходимо использовать в полной мере. Отрадно, что в последние годы в России обращается большое внимание на поддержание престижа отечественной культуры, на внимание к ее истории и к ее героям, реабилитируется то, что было предано забвению. Появляющиеся фильмы, посвященные нашим историческим свершениям, нашим спортивным достижениям (что стоил один фильм о Харламове!), Великой Отечественной войне, вызывают все больший интерес. Не случайно на всех празднествах Олимпиады в Сочи все время воспроизводились реплики из Московской Олимпиады

1980 года. Таким образом, массовая культура должна развиваться как форма, способствующая развитию государства, закреплению его успехов, формированию единой нации, обладающей высокими целями своего развития.

И это правильная тенденция, способствующая укреплению престижа России как великой страны с великой историей и великой культурой!

Библиографический список

1. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. — СПб.: Северная звезда, 2004. — 286 с.
2. Костина А.В. (2008). Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: УРСС, 2004. — 352 с.
3. Костина А.В. Диалектика массового и элитарного в современной культуре: В 2-х частях. М.: Издательство Московской гуманитарно-социальной академии «Социум», 2001. I часть — 178 с.; II часть — 196 с.
4. Костина А.В. Массовая культура как механизм социальной стабилизации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. 2010. № 2 (1). — С. 98-101.
5. Костина А.В. Массовая культура: теория и практика. М.: Институт молодежи, 1999. — С. 98-101.
6. Костина А.В. Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М.: УРСС, 2009. — 214 с.
7. Костина А.В. Проблемы массового и элитарного искусства. — М.: Издательство МосГУ, 2005. — 172 с.
8. Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 — 144 с.
9. Костина А.В. Субъект исторического действия: структурно-типологический подход // Обсерватория культуры. Журнал-обозрение. 2008. № 6. — С. 4-11.

10. Путин В.В. «Россия: национальный вопрос» // Независимая газета. 2012. 23.01. [Электр. ресурс]. URL: www.mak-prof.com/blog (дата обращения 03.10.2014).

Возможности массовой культуры в процессах социального управления обществом в ситуации активной трудовой миграции

А.В. Костина (Московский гуманитарный университет)

Аннотация В статье отмечается, что возможности массовой культуры формировать общие ценности и единые стандарты поведения делают эту культурную форму незаменимой в процессах аккультурации мигрантов и противодействуют негативным процессам социальной исключенности мигрантов, их пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов.

Ключевые слова: массовая культура, трудовая миграция, аккультурация, межэтническая напряженность, национальная идентичность, диалог культур.

Массовая культура выступает как механизм, способствующий созданию социальных целостностей со всеми присущими им качествами — такими, как прочность идентичности, сформированность единых стандартов поведения, общность ценностей, жизненных смыслов и значений. Особенно ценными эти особенности массовой культуры становятся в ситуации движения социальных масс как внутри государства, так и между странами, связанными, в том числе, с трудовой миграцией.

Значимость миграции, в частности, международной, для России XXI века велика. Она определяется причинами, которые обозначены в ряде федеральных конституционных законов и иных нормативных правовых актах Российской Федерации — в первую очередь, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года в ее взаимосвязи с «Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации,

Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁷⁷.

В этих документах указывается, что миграционные процессы являются значимыми для России в виду ряда причин, среди которых на первом месте стоят негативные демографические процессы, где перспективная численность населения к 2025 году должна составить 142,8-145,6 млн. человек⁷⁸. Особой значимостью здесь обладают процессы сокращения в 2010-2030 гг. на 12,1 млн. человек трудоспособного населения (при общем сокращении численности населения на 2,8 млн. человек), и наиболее сложными в этом смысле являются 2012-2017 гг. с сокращением численности трудоспособного населения более чем на 1 млн. человек ежегодно⁷⁹. В этой ситуации актуальным становится вопрос о компенсации человеческого потенциала — он может произойти за счет привлечения мигрантов не только к временной трудовой деятельности, но и к их переселению на постоянное место жительства и получению российского гражданства. Именно миграционный прирост за 2 десятилетия с 1900-х до 2010-х годов компенсировал половину естественной убыли населения.

Но в целом положительный результат миграции несет в себе и определенную опасность. 10,5 по «высокому варианту» (или 7 по «среднему») млн. человек миграционного прироста за два десятилетия 2010-2030 гг. выступают как значения предельные в плане включения мигрантов в культурное окружение — они превышают все аналогичные показатели в других странах. Подобный приток мигрантов создает

⁷⁷ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электр. Ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения 28.09.2014).

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. — М.: Федеральная служба государственной статистики — обновлено 07.06.2013. [Электр. Ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detaildefault.jsp?category=1112178611292&elementId=1140095525812 (дата обращения 15.09.2014).

проблемы социального порядка, создавая социально-политическое напряжение в обществе и создавая угрозу сохранению национально-культурной идентичности принимающей стороны. Это первая проблема. Вторая связана с качеством человеческого потенциала мигрантов.

Естественно, в первую очередь, любая страна заинтересована в миграции работников высокой квалификации, обладающих хорошим образованием и профессиональным уровнем, которые становятся основой экономического роста принимающей страны. Однако, в Россию в настоящее время мигрируют поколения молодых людей, получивших образование после распада Советского Союза, они обладают низким образовательным уровнем и профессиональной подготовкой, плохим знанием русского языка. Эти мигранты пополняют ряды работников низкоквалифицированного труда — подсобных рабочих, малоквалифицированных строителей, рабочих, занимающихся уборкой помещений и территорий, продавцов в частном секторе. Как правило, мигранты являются носителями традиционалистского сознания, она приносят с собой и воспроизводят общественные отношения, присущие не постиндустриальным и даже не индустриальным общественным системам, а обществам традиционного типа.

В определенном смысле, эти отношения были присущи тем советским республикам, где развивалось не промышленное производство, а сельское хозяйство — выращивание фруктов и животноводство. Традиционный тип хозяйствования воспроизводил и традиционный тип общественных связей. В социальном плане — это опора на общинность, семейственность, принадлежность кланам и тейпам; в ментальном плане — это традиционализм, ориентация на воспроизводство образцов жизнедеятельности, имеющих подкрепленность прецедентами; в плане межкультурных коммуникаций — это замкнутость, восприятие собственных стандартов жизнедеятельности в качестве наиболее верных, а также закрытость и этноцентризм. Кроме того, традиционализм образа жизни и хозяйствования предполагал опору на сакральные смыслы и ценности, рожденные не в рамках социально-идеологических систем,

продуцируемых государством, а в рамках религиозных систем, присущих данному народу или ряду родственных народностей. Сельское хозяйство в меньшей степени, чем индустриальное производство, требовало высокого образовательного уровня, что следствием имело большую степень доверия не к рациональному типу мышления и логическим доводам при разрешении любой задачи или проблемы, а к иррациональному, выстроенному на эмоциональных реакциях и опять-таки прецедентах, то есть, традиции.

Характерно, что соответствие типа хозяйствования типу социальных отношений и ментальности выступает как достаточно жесткий закон общественного развития. Пренебрежение этим законом в угоду политическим требованиям и идеологическим приказам не отменяет действия самого закона. О закономерности этих обусловленностей свидетельствуют и социологические исследования, показывающие доминирование традиционалистских воззрений там, где воспроизводится традиционный способ хозяйствования. Причем, эти представления являются весьма устойчивыми — изменение образа жизни может привести к формированию новых культурных установок, но воспроизводство прежнего социального устройства неизбежно вызовет и воспроизводство прежних общественных отношений.

Так было в период 1990-2000-х годов, когда разрушение экономики привело к натурализации хозяйства. Если в советское время результаты работы экспедиций показывали даже в сельских местностях негативное отношение к таким жанрам, как быличка и заговор, то экспедиционные исследования середины 2000-х годов, осуществляемые в составе экспедиции ГРЦРФ автором этих строк (причем, производимые в центральной Владимирской области), показали расцвет именно данной жанровой системы. Конечно, примитивизация мышления может быть рассмотрена как обусловленная и такими факторами, как трудности перехода от одной экономической и политической системы к другой, от планового хозяйства к рыночному, как дискредитация прежних социальных и нравственных ценностей, как опустошение деревни вследствие естественной убыли населения и миграции трудоспособной его части в город. Однако, как представляется, фактор натурализации

хозяйства в большей степени стал фактором реактивации традиционалистского сознания и архаизации общественных отношений.

Применительно к вопросу о миграции эта закономерность проявляется на всех уровнях — начиная от экономического, связанного с квалификацией и образованием, завершая культурным, связанным с ценностями, установками, способом объяснения мира. Представляется, что именно культурный фактор — то есть, различие картин мира и способов взаимодействия с миром — является наиболее важным в разрешении большинства проблем, связанных с трудовой миграцией. Конфликты между коренным населением и мигрантами возникают в большинстве случаев на бытовой почве — они связаны с различиями в поведении, общении, одежде и т.п. В исследовании «Москвичи глазами мигрантов из Чечни: Атрибуция межнациональных отношений» отмечается, что сами респонденты проявляют понимание того, что именно поведенческие матрицы могут стать основой отчуждения. Причем, в данном случае важно подчеркнуть, что опрашиваемые — граждане России, и в этом смысле не являются мигрантами, и, тем не менее, как представители иной этнической культуры, также ощущают свою невключенность в социум⁸⁰.

Наряду с перечисленными особенностями социального развития в их связи с активными миграционными процессами в России необходимо отметить еще одну, обусловленную всем вышеперечисленным. Это стремление к локализации и созданию этнических анклавов, обусловленное как объективными причинами (среди них — плохое знание русского языка), так и субъективными (здесь главенствуют причины психологического порядка, связанные с нивелированием

⁸⁰ Исследователи показывают: сами приезжие в Москву говорят, что причины негативной реакции на приезжего типичный москвич мог бы сформулировать следующим образом: «Почему он неправильно разговаривает, почему он не так одевается, как мы? Почему я сегодня так одет, а он одет, как колхозник? Почему он некультурно себя ведет? Почему он неправильно разговаривает? Почему он хочет себя выделить и сделать так, что он такой же, как и я, но он же не такой, как я, почему он хочет быть таким же, быть похожим на меня? Как они, москвичи, представляют: на рынок заходят, стоит куча азербайджанцев, армян, эти землячества. И они никогда не отходят, не пропускают. Пешеход должен обходить их. Это неприятно» (Хухлаев О.Е. Москвичи глазами мигрантов из Чечни: атрибуция межнациональных отношений // Этно-журнал. 2006. [Электр. Ресурс]. URL: <http://www.ethnonet.ru> (дата обращения 20.10.14).

чувства оторванности от родины, незащищенности, социальной изолированности). Кроме того, этнические общины выполняют и ряд важных функций, помогая землякам в обустройстве, нахождении работы, налаживании отношений с властью — получении миграционных карт и т.п.

Важно отметить, что стремление к созданию землячеств и этнических анклавов проявляют в большей степени представители малых народностей и тех, чья культура обладает большими различиями с культурой принимающей стороны. Большие же этносы (суперэтносы) — такие, как русский, в меньшей степени настроены на самоизоляцию и ограничение культурных контактов. Изоляция, как правило, бывает связана с боязнью депопуляции, тем большей, чем меньшей является численность этнической группы⁸¹. Отсюда — и то стремление к расширенному воспроизводству и рождению большого числа детей, то стремление к расширению своей социальной ниши, к упрочению положения диаспоры, к сохранению традиционных ценностей и образа жизни, хотя бы в быту, которое демонстрируют сегодня мигранты. Это проявляется в тех особенностях поведения, которые позволяют определять этническую принадлежность представителей мигрантов.

Представители же русского этноса как доминирующей по численности группы всегда проявляли к иным народностям толерантность, они никогда не образовывали за границей в иммиграции замкнутых анклавов: «Можно вспомнить, что многие граждане СССР, оказавшиеся за рубежом, называли себя русскими. Причем сами считали себя таковыми независимо от этнической принадлежности. Интересен и тот факт, что этнические русские нигде и никогда, ни в какой эмиграции не составляли устойчивых национальных диаспор, хотя и численно, и качественно были представлены весьма значительно. Потому что в нашей идентичности — другой культурный код»⁸².

Изменение ситуации, связанное с активным притоком мигрантов, в 1990-2000-е годы — часто нелегальных, породило то чувство опасности

⁸¹ Арутюнов С.А. Этничность — объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. — С. 9.

⁸² Путин В.В. «Россия: национальный вопрос» // Независимая газета. 2012. 23.01. [Электр. Ресурс]. URL: www.mak-prof.com/blog (дата обращения 03.10.2014).

захвата своей социальной и экономической ниши, которое обычно возникает при превышении предельных показателей миграции. В значительной степени с этим был связан рост националистических настроений этого периода и обращение к базовым ценностям культуры, которые выстраивают особую ее матрицу. По мнению исследователей, «приток мигрантов воспринимается россиянами как нарушение сложившегося общественного порядка, пусть хрупкого и неустойчивого. И как следствие — противодействие мигрантам рассматривается принимающим населением как восстановление статус-кво. Огромную роль играет специфика нашего социального обустройства. В обществе отсутствует вера в себя, в других людей, в совместно построенные институты; люди доверяют лишь ближайшему окружению — семье, родственникам, друзьям; отторжение «чужих» становится «естественной» реакцией на бессилие личности и социальной группы»⁸³.

Эти факторы становятся основой негативного отношения большинства россиян к мигрантам — согласно данным Левада-Центра, отказались бы принимать мигрантов на постоянное проживание 55 % опрошенных, на временное проживание — 48 %. Хотели бы ограничить проживание на территории России выходцев с Кавказа 37 % респондентов, выходцев из Юго-Восточной Азии — около 33 %, из Средней Азии — 27 %⁸⁴. Вместе с тем, россияне весьма часто прибегают к услугам мигрантов при их найме для помощи по хозяйству или ремонту жилища — в 2008 году таких было около миллиона россиян. При этом характеристики, которые дают россияне мигрантам, достаточно позитивны — «они готовы работать, сколько надо» (30%), «их легче и быстрее найти» (26%), «они более дисциплинированы» (20%), «и выгодно, и деваться им некуда, и не воруют». Как положительные особенности труда мигрантов называется стоимость работ (87% опрошенных), сроки выполнения работ (83%), качество работы (75%), честность, порядочность работников (77%), их

⁸³ Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. №1. — С. 34-50.

⁸⁴ О депортации цыган из Франции. Левада-Центр. 14.10.2010. [Электр. Ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2010101401.html> (дата обращения 05.11.14)

исполнительность, обязательность, надежность (72%). Безусловным преимуществом труда мигрантов остается дешевизна их труда (89 %) ⁸⁵.

Тем не менее, недоверие к мигрантам остается. Связано оно, как представляется, в наибольшей степени, с иными культурными матрицами, воспроизводимыми мигрантами, а также с этнической преступностью, показатели которой постоянно растут. Особенно опасными в этом отношении становятся те локальные группы, которые развиваются как замкнутые сообщества, настроенные не на включенность, а на исключенность из общества. При этом общество всегда интуитивно осознает, что подобная геттоизация, создающая почву для этноцентристских представлений мигрантов, которые, как правило, становятся основой для их культурной и социальной локализации, выступают в качестве потенциальной угрозы национальной целостности государства. Они могут стать источником напряженности как между представителями культуры-донора и культуры-реципиента, так и между представителями самих этнических групп.

Часто такие локальные этнические группы становятся основой развития этнической преступности, в них действуют групповые законы, зачастую вступающие в противоречие с государственными. В таких группах «в первую очередь нарушаются права самих мигрантов — как со стороны собственных криминальных авторитетов, так и коррупционеров от власти. Именно на коррупции расцветает этническая преступность. С правовой точки зрения преступные группировки, построенные по национальному, клановому принципу, ничем не лучше обычных банд», при этом, «этническая преступность является проблемой не только криминальной, но и проблемой государственной безопасности» ⁸⁶.

Стремление нейтрализовать негативное влияние этих процессов приводит к принятию как необходимого условия аккультурации мигрантов. Однако здесь необходимо точно определиться с той формой аккультурации, которая может стать оптимальной. Исследователи

⁸⁵ Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики.

⁸⁶ Путин В.В. «Россия: национальный вопрос».

выделяют четыре основные формы аккультурации: 1) ассимиляцию, где этническая группа утрачивает свою корневую культуру и усваивает культуру принимающей стороны; 2) сепарацию, связанную с культивированием собственной культуры и категорическим неприятием чужой; 3) маргинализацию, предполагающую утрату идентичности с корневой культурой и не сформированность идентичности с новой культурной матрицей; 4) интеграцию, представляющую идентификацию как с корневой, так и с новой культурой. Наиболее предпочтительной стратегией из перечисленных является интеграция — она «имеет отношение как к реальному участию в экономической, социальной, культурной, гражданской и политической жизни территории расселения мигрантов к условиям, его регулирующим, так и к собственному восприятию мигрантами местного сообщества, отношению к тому, как оно принимает их, и к тому, насколько они участвуют в жизни сообщества»⁸⁷.

Конечно, проблема интеграции мигрантов решается, прежде всего, на законодательном уровне, что создает правовую основу для их адаптации и интеграции, «включая их обучение русскому языку, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения путем формирования соответствующей инфраструктуры в странах их происхождения и в регионах Российской Федерации, испытывающих наибольший приток мигрантов»⁸⁸.

Однако эти меры не являются достаточными. Здесь необходимо подключение тех механизмов, которыми располагает массовая культура, и тех каналов, которые создаются средствами массовой информации. Думается, что именно эти системы могут наиболее эффективным образом противодействовать «социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов»⁸⁹, о которой говорится в Концепции государственной

⁸⁷ Шуменко М.А. Специфика «вхождения» мигрантов в новую культуру // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. — С. 27.

⁸⁸ Проект Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 13.06.2012. [Электр. Ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения 03.10.2014).

⁸⁹ Проект Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Возможности массовой культуры здесь поистине безграничны — эта культура воздействует на воспринимающее сознание на эмоциональном уровне, и в этом смысле зрителю одинаково понятны и советский фильм и индийское кино. Она опирается на систему архетипических образов, и не важно, на каком языке говорили герои, созданные на экране Гойко Митичем, было понятно, что индейцы — благородный народ, смелый и решительный в своей борьбе за свободу. Именно так создавала национальное единство советская массовая культура, герои которой до сих пор остаются символами дружбы и взаимопомощи между народами. Достаточно вспомнить такие фильмы, как «Отец солдата» (1964 г., реж. Р. Чхеидзе), «Цыган» (1979 г., реж. А. Бланк), «Мимино» (1977 г., реж. Г. Данелия), «Свинарка и пастух» (1941 г., реж. И. Пырьев) «Я встретил девушку» (1957 г., реж. Р. Перельштейн).

Образы массовой культуры вызывают естественное стремление к идентификации с ними, что рождает основу для взаимного приятия представителей разных культур и создает условия для понимания. Ток-шоу, транслируемые по телевидению, способны поднимать темы, связанные с проблемами мигрантов, с рассказом о тех жизненных ситуациях, в которых они оказываются, о проблемах, с которыми они сталкиваются. В то же время, такие передачи, как КВН, могут сблизить представителей разных народов через создание игровых ситуаций, позволяющих иронизировать над собственным образом-стереотипом, шутить, показывать, что можно относиться с юмором и к тонированным Ладам-Приорам, и к красным мокасинам, и к бейсболкам с надписью «FBI».

Массовая культура может снять межэтническую напряженность, наладить циркуляцию общих для всех ценностей и смыслов, сгладить противоречия, связанные с различием культур и традиций. Об эффективности механизмов массовой культуры в процессах формирования национальной идентичности говорится в статье Президента России В. Путина от 23.01 «Россия: национальный вопрос»: Именно «такие инструменты, как телевидение, кино, Интернет, массовая культура в целом, которые формируют общественное

сознание, задают поведенческие образцы и нормы. Вспомним, как американцы с помощью Голливуда формировали сознание нескольких поколений. Причем внедряя не худшие — и с точки зрения национальных интересов, и с точки зрения общественной морали — ценности [...]. Государство обязано и имеет право и свои усилия, и свои ресурсы направлять на решение осознанных социальных, общественных задач. В том числе и на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию»⁹⁰.

Сегодня России, как никогда, нужны произведения, создающие основу для понимания, диалога, взаимного уважения. Именно формирование взаимного уважения народов выступает условием создания основы социальной стабильности при сохранении культурных матриц многих народов, населяющих Россию. Это понимание должно стать фундаментом для развития современной культуры.

Библиографический список

1. Арутюнов С.А. Этничность — объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. — С. 7-10.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения 28.09.2014).
3. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. №1. — С. 34-50.
4. О депортации цыган из Франции. Левада-Центр. 14.10.2010. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2010101401.html> (дата обращения 05.11.14)
5. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. — М.: Федеральная служба государственной статистики — обновлено 07.06.2013 г. [Электр. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/PA_I_0_S5/Documents/jsp/Detaildefault.jsp?category=1112178611292&elementId=1140095525812 (дата обращения 15.09.2014).

⁹⁰ Путин В.В. «Россия: национальный вопрос».

6. Проект Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 13.06.2012. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения 03.10.2014).
7. Путин В.В. «Россия: национальный вопрос» // Независимая газета. 2012. 23.01. [Электр. ресурс]. URL: www.mak-prof.com/blog (дата обращения 03.10.2014).
8. Хухлаев О.Е. Москвичи глазами мигрантов из Чечни: атрибуция межнациональных отношений // Этно-журнал. 2006. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.ethnonet.ru> (дата обращения 20.10.14).
9. Шуменко М.А. Специфика «вхождения» мигрантов в новую культуру // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. — С. 23-32.

Массовая культура: возможности по адаптации, аккультурации, интеграции мигрантов

А.В. Костина (Московский гуманитарный университет)

Аннотация Автор отмечает, что массовая культура в современном обществе выступает как система, способная решать задачи, связанные с включением трудовых мигрантов в новые социокультурные условия, и адаптировать представителей и культуры-донора, и культуры-реципиента к новым формам социальной жизни, которые возникли в связи с включением мигрантов в социальное целое государства.

Ключевые слова: массовая культура, мигранты, идентичность, адаптация, аккультурация, интеграция.

Массовая культура в XXI веке выступает как наиболее распространенный и в этом смысле — актуальный — тип культуры. Не снимая с повестки дня вопрос о тех негативных функциях и значениях, которые присущи массовой культуре и которые связаны с ее гедонистическим, рекреационным, эскейпистским, манипулятивным потенциалом, необходимо учитывать и ее конструктивные

возможности. Среди прочих позитивных функций, которые выполняет массовая культура в современном обществе, необходимо выделить ее способность к конструированию социальных общностей. Особую значимость это ее качество приобретает в ситуации глобализации и массовой миграции.

Этот потенциал массовой культуры связан с ее историческим развитием. Массовая культура, несмотря на существование массовидных культурных форм на всех этапах общественного развития, в своем законченном виде появляется только в индустриальном обществе. И индустриальное общество сформировало те социальные условия, которым была атрибутивна массовая культура. Это и естественно — основные характеристики массовой культуры связаны не с вовлечением большого числа участников в ее события, а с совершенно особыми ее качествами, среди которых наибольшим значением обладает ее адаптивный потенциал. Появление массового индустриального общества, как известно, связано с рядом трансформаций в экономической и социально-политической сферах. Формирование крупных форм конвейерного производства в XIX веке требовало привлечения значительных трудовых ресурсов и приводило к достаточно интенсивной трудовой миграции — из деревни в город. Эти процессы привели к колоссальной по масштабам десоциализации и маргинализации населения.

Так, в Москве за период 1890 — 1900 года в количество рабочих увеличилось на 47 %. Еще более впечатляющими масштабы роста числа рабочих были в Санкт-Петербурге, только на Путиловском металлургическом заводе увеличившегося с 2 306 человек в 1885 году до 12 441 человек в 1900 г. Естественно, что этот рост осуществлялся за счет трудовой миграции и притока крестьян-переселенцев, составлявших в Москве и Санкт-Петербурге их числа всех оплачиваемых рабочих мест от 20% до 25%. В 1920-е годы, в период индустриализации, эти цифры возросли — причем, наряду с теми, кто переселился в город на постоянное жительство, производства наполнялись теми, кто приезжал в города на заработки и в качестве мобилизованных на короткий срок по трудовым разрядам. Так, на

Петроградских предприятиях в 1920-е годы вместе с «коренными» рабочими трудились и «трудомобилизованные» — они рекрутировались в сельской среде и направлялись на заводы и фабрики по трудовому набору. В этот период таких рабочих насчитывалось около 8 000⁹¹. Конечно, их труд был низко квалифицированным, и он использовался на подсобных работах — на уборке, погрузке, в строительстве, для подвоза дров, на земляных работах.

Отношение к этим рабочим среди «коренников» производства было крайне негативным — новые рабочие не обладали профессией, не были носителями трудовой этики, не признавали корпоративные интересы и важность своей политической миссии. Будучи готовыми в любой момент «не считаясь с положением... под тем или иным предлогом оставить завод и уехать в деревню»⁹², они были источником нестабильности на заводах. Важно отметить, что пролетариат — как наиболее политизированный и сознательный класс — чрезвычайно негативно оценивал идеологические качества «пришлых элементов», составляющих иногда до 70% от общего числа рабочих на предприятии⁹³. Эти маргинальные группы противостояли «рабочим-коренникам» как политически равнодушные, социально автономные, как идеологически пассивные, как не способные к инициации любых — и социально-политических и трудовых инициатив. Еще одним важным качеством этих социальных групп была их замкнутость, доверие к представителям своей среды, традиционализм, консервативность. Бывшие крестьяне оставались самой конформной частью рабочих, отказывающейся не только от активной политической жизни, но и — довольно часто — от участия в забастовках⁹⁴.

⁹¹ Иванов В.М., Канев С.Н. На мирной основе. Ленинградская партийная организация в борьбе за восстановление промышленного города. 1921-1925 гг. Л., 1961. — С. 11.

⁹² Протокол общего собрания рабочих Балтийского судостроительного и механического завода о положении на предприятии // ЦГА СПб., ф. 4591, оп. 5, д. 13, л. 26-28 об. Подлинник. Цит. по: Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. — С. 103.

⁹³ Петроградская правда. 1923. 20 мая.

⁹⁴ Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999. — С. 26.

У маргинальных слоев населения проявляются сходные экономические, социальные и психологические проблемы, так как культурные различия «принимающей» и «входящей» социальных групп могут быть иногда весьма существенными — от громкости голоса до характера приветствия (рукопожатия или объятия, снятие или оставление головного убора), от языка до ритуалов, от способов проведения досуга до норм и ценностей. Это также неопределенность материального положения, связанная с оставлением на прежнем месте имущества, наживаемого десятилетиями, неустойчивость политического статуса, часто — социальное бесправие. Далее — это проблемы психологического порядка — травматизация психики, адаптирующейся к новой социальной и культурной среде, оторванность от корней — близких и родственников, осуществляющих психологическую поддержку в трудных жизненных обстоятельствах, постоянный страх за будущее, ощущение своей непричастности к социальной жизни, восприятие себя как чужака в обществе, человеком, утратившим свой социальный статус. Маргинализированный индивид зачастую стоит на пороге выживания, а нагрузки, которые он испытывает, превышают его психофизиологические возможности.

Уже в 60-е годы XX века, когда процессы маргинализации будут связаны с трудовой миграцией не внутри-страновой, а меж-страновой, и когда они будут обусловлены не формированием новой экономико-социальной системы, какой выступило индустриальное общество, а глобальными процессами, когда в сообществах будут возникать конфликты, основанные не только на культурных, но и на этнических и религиозных различиях, в научную практику будет введено понятие культурного шока. Его автором станет американский антрополог К. Оберг, а само понятие будет уточнено введением таких терминов, как «культурное утомление», «языковой шок», «ролевой шок». Психологические признаки этой ситуации (Оберг выделил шесть таких признаков) практически те же — сверхусилия, необходимые для поддержания нормального общения; чувство обделенности и лишения, связанное с утратой родины, имущества, статуса, близких; чувство чуждости другой культуры; нарушение процедур

идентификации и разрушение самоидентичности; дискриминация прежней системы ценностей и отсутствие новых ценностей и идеалов. Несмотря на то, что этот термин родился в иных социокультурных обстоятельствах, он вполне применим и к ситуации, возникшей в ситуации построения индустриальной экономики и связанной с интенсивными миграционными процессами из деревни в город. Хотя, конечно, интенсивность переживаний в этом случае меньше — в соответствии с меньшим числом различий в социальных средах — оставленной и целевой для интеграции в нее.

Тем не менее, эти группы «новых горожан» также нуждались в механизмах, с помощью которых они могли бы войти в новую культурную среду, психологически адаптироваться к новым условиям. Действительно, «новые горожане» начинают усваивать иной образ жизни, принимать иные правила поведения и способы самопрезентации. Все это выступает как совокупность процедур социокультурной адаптации, об успешности которых позволяют судить: установленные позитивные связи в новой общественной среде, разрешенность ежедневных житейских проблем, участие в социальной и культурной жизни общества, интегрированность личности⁹⁵.

Как происходила социализация этих маргинальных групп, начиная с XIX века? — через создание новых форм культуры, понятных представителям самых разных культурных традиций, а значит, усредненных, универсальных, клишированных, развлекательных, неглубоких по содержанию и смыслу. Эти формы решали целый комплекс социальных проблем, связанных с оторванностью новых горожан от традиционной культуры, их неукорененностью в новых социальных условиях и маргинальностью, а также сложными условиями труда — конвейерного, однообразного, нетворческого, превращающего человека в функцию производства, приводящего к хронической усталости, не знакомой представителям традиционной культуры с ее

⁹⁵ Психологическая помощь мигрантам. [Электр. Ресурс]. URL: http://psinovo.ru/referati_po_psichologii_i_pedagogike/psichologicheskaya_pomosch_migrantam.html (дата обращения 25.10.2014).

циклами достаточно продолжительных праздников наподобие Святков или Масленицы, включающих 8-10 дней, каждый из которых несет ритуальную нагрузку. Все это требовало развития культурных форм, способных осуществлять быструю рекреацию, восстанавливать и компенсировать психоэмоциональные затраты, способных включать индивида в социальные группы, осуществлять его адаптацию к принципиальным образом изменившимся условиям жизни, налаживать коммуникацию с представителями самых разных культурных традиций.

Естественно, «новые» горожане испытывали кризис идентичности и сложности самоидентификации, проблемы с выстраиванием собственного образа мира в его соотнесенности с картинами мира всех индивидов, включенных в социальные отношения с ним. Подобные ситуации характеризуются тем, что человек ориентируется в значительной степени на культурно-досуговые формы, основной задачей которых становится снятие психоэмоционального напряжения, организация процессов циркуляции социально-значимой информации, и — в конечном итоге — защита общества от распада на социальные анклав.

Наиболее распространенными в любой среде в это время стали формы, связанные с массовой культурой. Они создавались через имитацию и художественную адаптацию форм традиционного крестьянского фольклора и превращаясь сначала в городской фольклор, затем — в его имитацию, осуществляемую профессионалами. Именно городской «жестокий» романс был одним из наиболее любимых жанров, тиражируемых в первых фонозаписях. Эти произведения были равно доступны представителям всех сословий, и они достаточно успешно формировали и распространяли социальные смыслы и значения, налаживали новые социальные связи, транслировали социально значимую информацию, образовывали новые ряды ценностей и поведенческих стереотипов. Они касались не только глубинных смыслов жизни, но и поверхностных, связанных с самопрезентацией, модой, имиджем, пониманием престижности.

Массовая культура начинает распространяться от городов — как центров новой культуры — на периферию и влиять на деревенский быт,

наполняющийся чуждыми для него формами и смыслами. В деревнях танцуют французскую кадрили, падеспань и тустеп, говорят на «новом наречии», состоящем в значительной степени из заимствованных городских слов, носят городскую одежду, соответствующую новому понятию моды: «Все эти сюртуки, жилетки, «панье» и т.п. предметы гардеробной и домашней рухляди, скроенной и сшитой по моде, на «немецкий» фасон, вносятся в крестьянский быт наряду с массой новых, без разбору схваченных на городской улице, большею частью непонятных или понятых вкривь и вкось идей, понятий, слов, привычек, манер и предрассудков из сферы интеллигентной жизни»⁹⁶. Несмотря на то, что усвоение смыслов новой культуры отличается поверхностностью, принятие новых форм социального взаимодействия и форм самопрезентации вызывает ощущение встроенности в социум, защищенности и адаптированности. Это позволяет «новым горожанам» активно отрицать смыслы и формы прежней культуры, чувствовать превосходство над простотой жизненного обихода представителей корневой культуры, иронизировать над отсталостью их быта.

Очевидно, что эти формы, достаточно примитивные, а иногда и уродливые, подвергались справедливой критике передовой интеллигенции, высказывающей озабоченность духовным состоянием человека, воспитывающегося на культуре, «эксплуатирующей невежество», подчинившейся «всем законам конкуренции, законам предложения и спроса», ухаживающей «уже не за щедрыми меценатами, а за толпою покупателей»⁹⁷.

Но выскажем парадоксальную мысль о позитивном значении этих проявлений. Они означали, что формируется новый тип культуры, принципиально отличный от той традиционной культуры, высокой в своих сакральных значениях, но локальной в проявлениях, к которой они некогда принадлежали. Эти тенденции свидетельствовали о том, что складывается новая универсальная культура, имеющая принципиально иное семиотическое наполнение, и этот универсальный язык осваивался всеми быстро, безболезненно, одинаково успешно, и

⁹⁶ Михневич В. Извращение народного песнетворчества // Исторический вестник. Т. 3. 1880. №XII. — С. 756.

⁹⁷ Отечественные записки. СПб., 1873, №6. — С. 137-139.

именно он становился новым языком общения. Формирование универсальной поверхностной облегченной культуры элиминировало напряженность, способствовало формированию той социальной общности, которая могла проявлять лояльность к смыслам и значениям культур, представители которых были вынуждены вступать в диалоговые отношения друг с другом. Иными словами, эти формы массовой культуры функционировали как фактор социализации.

Теперь необходимо обратиться к вопросу о возможностях массовой культуры в разрешении этих проблем. Общепринятой является точка зрения — кстати, вполне обоснованная, согласно которой оптимальным образом разрешает эти проблемы высокая специализированная культура. Действительно, адаптации, аккультурации и интеграции «новых» — горожан или граждан — способствует специализированная культура. Через институты образования, институты культуры — музеи, библиотеки, театры и т.п. — она приобщает всех к общесоциальным смыслам, она формирует общепринятые ценности не как разнопорядковые явления, а в виде их системы с взаимосвязанностью всех входящих в нее элементов, она обучает всех языку, необходимому и для коммуникации и для постижения сложных смыслов, присущих научному и философскому знанию, она приобщает к совокупности тех смыслов и идеологем, которые определяют легитимность проживания и успешного функционирования индивида в данном государстве, наконец, она выстраивает национальное единство.

Однако вхождение в мир высокой культуры, даже получение образования — не начального, а профессионального, университетского — путь достаточно долгий. Но проблемы адаптации и интеграции для пришедших в новую культуру являются столь острыми, что от их разрешенности зависит не только успешность профессионального роста или достижения достойного социального статуса, но часто — здоровье и жизнь. Возникает необходимость в том механизме, который способен решить эти проблемы пусть пока на поверхностном уровне, но быстро. И задачу быстрого встраивания человека в иную культурную среду решает массовая культура. Через механизм рекламы она показывает, как

должен одеваться человек⁹⁸, в многочисленных передачах наподобие Дома — 2 зрителям показывают, как должен себя вести человек — как приветствовать окружающих, как вести жизнь и чем заниматься, каким целям следовать, какие явления рассматривать как престижные⁹⁹, что обсуждать.

Несмотря на примитивность этих программ, их психологическое и социальное значение трудно переоценить. На необходимость обучения этим поведенческим и нарративным моделям указывал еще Э. Берн, исследовавший людей, «которые играют в игры», и игры, в «которые играют люди». Берн показал, что следование правилам этих человеческих игр¹⁰⁰ — залог психологического здоровья человека, его успешной социализации и социокультурной адаптации. Массовая культура также приобщает индивида к научным знаниям — конечно, не к их системной целостности, а к знанию о существовании этих систем и концепций. На обыденном уровне не многие знакомы с содержанием теоремы Эйнштейна, но, благодаря фантастическим блокбастерам наподобие «Звездных войн», все знают о «парадоксе близнецов» и неравномерности течения времени при разных скоростях; не многие могут последовательно изложить суть учения З. Фрейда, но, через фильмы наподобие «Основного инстинкта», практически все знают термины «сублимация», «эдипов комплекс», «бессознательное». Не многие понимают задачи, связанные с построением адронного коллайдера, но само слово слышали практически все. Не многие понимают суть процесс клонирования, но о существовании овечки

⁹⁸ Так, в одном из рекламных роликов тинейджер говорит, что носит бейсболку козырьком назад, чтобы удобнее было пить пиво, а брюки стиля «милитари» с большим количеством карманов — для того, чтобы носить с собой запас любимого напитка.

⁹⁹ В одной из таких передач девушка говорит своему парню, что он ей не интересен — у него нет брендовых вещей, а значит — он ни к чему не стремится. Естественно, мысль о том, что престижными могут быть образованность и профессионализм, ей не доступна. И это понятно — эти герои — продукты масскульта, приобщение к ценностям которого происходит мгновенно, в отличие от ценностей высокой культуры, вхождение в мир которой — иногда дело всей жизни.

¹⁰⁰ Как известно, это достаточно простые игры — для мужчин — обсуждение спорта, политики, автомобилей, подруг жизни и романтических приключений, для женщин — детей, покупок, цен на товары, ленивых мужей, завышенных требований в школе.

Долли, или кролика Роджера знают почти все. И так практически во всех областях.

Вся эта информация оказывается социально значимой — она позволяет функционировать всем представителям крупной социальной общности согласно всеми принимаемым правилам и стереотипам. Сегодня в первую очередь социальная общность, вплоть до общности внутри нации и государства, создается именно через институты массовой культуры — через усвоение общих смыслов, идеологем, ценностей, исторических фактов, имен, значимых событий, а также через усвоение общих стандартов потребления — моды, имиджей, стереотипов, брендов. Этот феномен создания социальных общностей, основанных на общности потребления, получил название «культурного гражданства». Это понятие фактически означает, что в современном обществе гражданство человека определяется не принадлежностью к высокой национальной культуре и не гражданскими правами, а потреблением определенных товаров.

Потребление становится основой культурной идентичности, оно снимает те барьеры, которые ставят этнические и религиозные различия, оно формирует доступный для всех граждан «семиотический материал культуры, позволяющий сделать социальную жизнь осмысленной, критично отнестись к доминирующим практикам и признать существование внутренних различий на основе терпимости и взаимного уважения»¹⁰¹. Соответственно, культурное гражданство оказывается ориентированным по осям «включенности (принадлежности) — исключенности (неприятя)». Характерно, что формирование этой включенности на фундаментальных уровнях формируется через систему высокой культуры, на поверхностных уровнях — через систему массовой культуры, через систему средств массовой информации, культурную индустрию, моду.

Обобщая сказанное, отметим: массовая культура в современном обществе выступает как система, способная осуществлять целый ряд позитивных функций. Несмотря на недопустимость формирования

¹⁰¹ Стивенсон Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: Контуры XXI века. Реферативный сборник. Часть III. М., 2002. — С. 7.

человека на материале массовой культуры, что неизбежно приводит к развитию деперсонализированного индивида с невыраженным личностным началом, участие массовой культуры в процедурах включения индивида в социум осуществляется эффективно. Эта способность массовой культуры определяется ее генезисом — она возникла именно в тех социально-экономических условиях, когда было необходимо решение совокупности задач, которые не могли бы возникнуть на предыдущих этапах ее развития. Это задачи, связанные с включением маргинальных слоев — по существу, трудовых мигрантов, заселивших города, — в новые социальные обстоятельства, и адаптации всех — представителей и культуры-донора, и культуры-реципиента — к тем новым формам социальной жизни, которые возникли в классовом обществе. Этот адаптивный потенциал массовой культуры востребован и в современных условиях, приметой которых становится формирование глобальных рынков труда, а, следовательно, активная трудовая миграция. Этот потенциал массовой культуры выступает только лишь как механизм, как форма, которая может быть наполнена любым содержанием. И этот потенциал должен быть направлен на гармонизацию социальных процессов, в том числе, связанных с включением в социальное целое государства мигрантов — особенно тех, кто связывает свое будущее с получением гражданства. Их интеграция в национальную культуру — дело не только высокой специализированной, но и массовой культуры.

Библиографический список

1. Иванов В.М., Канев С.Н. На мирной основе. Ленинградская партийная организация в борьбе за восстановление промышленного города. 1921-1925 гг. Л.: Лениздат, 1961. — 295 с.
2. Михневич В. Извращение народного песнетворчества // Исторический вестник. Т. 3. 1880. №XII.
3. Отечественные записки. СПб., 1873. №6.
4. Петроградская правда. 1923. 20 мая.

5. Психологическая помощь мигрантам. [Электр. ресурс]. URL: http://psinovo.ru/referati_po_psichologii_i_pedagogike/psichologicheskaya_pomosch_migrantam.html (дата обращения 25.10.2014).
6. Стивенсон Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: Контуры XXI века. Реферативный сборник. Часть III. М.: ИНИОН РАН, 2002. — 264 с.
7. Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 320 с.
8. Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 224 с.

Конструктивный и социальный потенциал массовой культуры: опыты исследования трансляционной функции массовой культуры

А.Р. Кожаринова (Московский гуманитарный университет)

Аннотация Статья посвящена анализу роли массовой культуры в циркуляции знания и информации в обществе. Автор выделяет причины способствующие интеллектуализации содержания современной массовой культуры, и рассматривает роль этой культурной формы в процессе односторонней передачи информации от источников, владеющих специализированным знанием, к получателю — массовой аудитории. Для анализа трансляционной функции массовой культуры в статье приводится сравнительный анализ крайних точек всего спектра репрезентации специализированного научного знания в массовой культуре: от «академической» популяризации науки до ее «профанации».

Ключевые слова: массовая культура, информация, трансляция, популяризация, профанация.

Несмотря на значительное число исследований, посвященных проблеме массовой культуры в целом и некоторым аспектам ее функционирования в частности, можно констатировать открытость данной проблемы, где не до конца изучен вопрос об изменении содержания массовой культуры под влиянием происходящих в конце XX — начале XXI века социокультурных трансформаций. Не проясненными остаются вопросы относительно роли массовой культуры в процессе циркуляции знаний в обществе. Не до конца разработана также проблема влияния идеологии на функциональные характеристики массовой культуры. Все эти обстоятельства определяют необходимость осуществления культурфилософского анализа такой функциональной особенности массовой культуры, как ее способность к осуществлению трансляции специализированного знания.

Дело в том, что в конце XX — начале XXI века в системе культуры наблюдается ряд материально-технических и технологических, социально-экономических, социально-политических, духовно-социальных и социально-личностных факторов, способствующих интеллектуализации содержания массовой культуры. Главным фактором активирования новой для массовой культуры трансляционной функции массовой культуры на данном этапе цивилизационного развития становится смена культурно-исторической парадигмы. Она выражается, с одной стороны, в глобальном культурно-антропологическом кризисе, заставляющем массы искать средства психологической адаптации, одним из которых становится массовая культура, с другой стороны — в повышении роли знания в информационном обществе, в становлении информационно насыщенного сознания, в росте когнитивных потребностей масс.

Массовая культура в информационном обществе действительно начинает играть большую роль в процессе однонаправленной передачи информации от источников, владеющих специализированным знанием, к получателю — массовой аудитории, происходящей при синхронической коммуникации. Мы рассматриваем такой вид специализированного знания, как научное знание, которое очень сложно для понимания, далеко не всегда верифицируемо, насыщено

специфической терминологией, исключительно теоретизировано, оторвано от повседневного контекста. Другой проблемой, осложняющей адаптацию специализированного знания, становится экспоненциальное увеличение количества научной информации. Качественное усложнение и количественный рост специализированного научного знания приводят к тому, что даже специалисты не могут ознакомиться с научными достижениями в смежных дисциплинах. В такой ситуации усиливается необходимость в культурных формах, ликвидирующих разрыв между специализированным и обыденным уровнями знаний.

Итак, на современном этапе функцию транслятора специализированного знания к обыденному сознанию помимо других культурных форм выполняет доступная большинству массовая культура. Субъекты трансляции специализированного знания могут быть условно разделены на два вида: внешние (не принимающие участия в коммуникативном акте) и внутренние (непосредственные участники коммуникации). К внешним субъектам относятся властные структуры, направляющие трансляцию специализированного научного знания по выгодному им руслу. К внутренним субъектам коммуникации можно отнести, во-первых, собственно представителей института науки, которые, к сожалению, достаточно редко становятся гостями СМИ; во-вторых, далеко не самых интеллектуальных, но хорошо представляющих как запросы масс, так и интересы власти, заинтересованных в сотрудничестве с властью производителей текстов массовой культуры. Именно они в соответствии с особенностями массового сознания формируют тексты, содержащие транслируемую научно-познавательную информацию.

Отметим, что рассмотрение способности массовой культуры осуществлять передачу информации и знания крайне актуально потому, что в современных как отечественных, так и зарубежных исследованиях практически отсутствует глубокое и полное осмысление трансляционной функции массовой культуры. В России интерес к изучению трансляционной функции массовой культуры обусловлен

также изменившими социокультурную ситуацию коренными преобразованиями конца XX века.

Для осуществления функционального анализа рассматриваемой нами культурной формы необходимо осуществление научного поиска, соответствующего принципам диалектики, системности и историзма. Выделение факторов актуализации рассматриваемой нами трансляционной функции массовой культуры целесообразно использование элементов структурно-функционального метода. Проследить трансформацию специфики трансляции специализированного знания от периода Античности до сегодняшнего дня возможно при помощи историко-генетического и историко-типологического методов. При описании специфики реализации трансляционной функции автор использует приемы компаративистского подхода. Для анализа социального потенциала массовой культуры представляется целесообразным в качестве базовой целесообразно рассмотреть совокупность фундаментальных положений, которые содержатся в работах представителей Франкфуртской школы социальных исследований (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер); в трудах социальных философов, работающих в рамках постиндустриалистского подхода (Д. Белл, Э. Тоффлер); в исследованиях представителей постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар), а также в работах отечественных ученых А. В. Костиной, Э. А. Орловой, А. Я. Флиера.

Представляется, что результаты исследования трансляционной функции массовой культуры достаточно убедительно доказывает наличие у рассматриваемой культурной формы большого социального потенциала. Изложим кратко выводы нашего исследования.

Итак, источниками познавательной информации являются властные политические и экономические структуры, представители СМИ, научные институты, представители научного сообщества. Производство любой, в том числе научной, информации осуществляется в конкретном социальном контексте под воздействием государства, правовой системы, рекламного рынка, экономической и идеологической среды. Результатом такой многофакторной зависимости становится

ангажированность СМИ. Большая часть информации попадает к потребителю не непосредственно из мира науки, а из информационно-телеграфных агентств, служб по связям с общественностью, официальных лиц или их пресс-секретарей. Проходя через различные инстанции, информация накапливает коммуникационные искажения. Получатели познавательной информации — это совокупность представителей анонимной, гомогенной, не самостоятельной в суждениях массовой аудитории, являющейся для производителей информации объектом манипулятивного воздействия и источником коммерческой выгоды.

Содержание передаваемой познавательной информации не верифицируется потребителем, не имеющим непосредственного контакта с наукой. А потому задача максимально точного отражения реальности является далеко не главной для держателей СМИ. Это позволяет производителям научно-популярных текстов при отборе информации руководствоваться ее актуальностью, сенсационностью, эмоциональной насыщенностью, содержащимся в ней драматургическим конфликтом, социальной значимостью, провокативностью, то есть всем тем, что способствует коммерческому успеху.

Результаты передачи познавательной информации значительны как для отдельного человека, так и для общества в целом.

Для индивида коммуникативный эффект прослеживается на всех уровнях его существования. На психологическом уровне результатом коммуникации становится удовлетворение индивидом потребности в познании, способствующей снятию психического напряжения и рекреации. Итогом получения познавательной информации может быть изменение поведения индивида (подражание интеллектуальным предпочтениям звезд шоу-бизнеса, использование широко предлагаемых СМИ оздоровительных практик и т. п.). Пересмотру могут подлежать ранее существовавшие установки (точки зрения на исторические события, мнение о культуре другой страны, религиозные взгляды и т. п.). Если говорить о нравственных последствиях познавательного информирования, необходимо отметить, что масскульт

формирует в массовом сознании определенное отношение к этическим проблемам современной науки, расставляя при этом выгодные властным структурам акценты и культивируя определенную систему ценностей. Когнитивными последствиями познавательного информирования является приращение новых знаний, происходящее путем усвоения предложенных потребителю информации стереотипов, помогающих осуществлять селекцию информации для создания непротиворечивой, ожидаемой, «удобной» картины мира.

Важнейшими результатами коммуникации для общества в целом становятся: сохранение единства общества через стандартизацию знаний и формирование общего информационного поля; внедрение потребителям информации готовых установок, создающих определенный образ мира; конструирование реальности, далекой от онтологически существующей; формирование мозаичной псевдокартины мира.

Для рассмотрения специфики реализации трансляционной функции современной массовой культуры проведем сравнительный анализ крайних точек всего спектра репрезентации специализированного научного знания в массовой культуре: от «академической» популяризации науки до ее «профанации».

Популяризация — процесс перевода специализированного знания на язык нарративного повествования. «Академической» популяризацией в данной работе называется перевод специализированного знания, осуществляемый специалистами-«интерпретаторами», вооруженными специально разработанной методологией, к числу которых можно отнести А. Азимова, С. П. Капицу, Я. И. Перельмана, К. Сагана, С. Хокинга и многих других. Их деятельность считается образцом адаптации научного знания для непосвященных, но жаждущих «инициации в науку» людей.

Существует ряд положительных аспектов популяризации науки в СМИ. Во-первых, популяризация науки важна для масс, так как реализует потребность масс в познании, увеличивает их словарный запас, формирует навыки мышления, вырабатывает мировоззрение, обогащает внутренний мир, помогает ориентироваться в переменах,

стремительно происходящих в мире, приспособливаться к ним или им противостоять. Популяризация науки может выполнять рекреативную функцию, так как в текстах массовой культуры используется определенное количество распространенных сюжетов, развлекающих публику и дающих возможность отвлечься от насущных проблем (тайны египетских пирамид, неопознанные летающие объекты, предсказания цивилизации майя и т. п.). Во-вторых, популяризация науки важна для общества, так как гарантирует определенный уровень знаний его членов и частично замещает деятельность учреждений образования, что становится особенно актуальным в эпоху кризиса образования, наблюдаемого в современном российском обществе. В-третьих, популяризация крайне важна и для самой науки, так как в ходе ее актуализируются глобальные проблемы, стоящие перед человечеством, стимулируется интерес масс к науке, обеспечивается приток новых кадров, осуществляется борьба с широко распространившимися лженаукой и псевдонаукой, формируется в глазах общества положительный образ науки, что служит оправданием финансовых затрат.

Однако эмпирический анализ текстов массовой культуры показывает, что в большинстве случаев уровень передачи специализированного знания массам далек от эталона. Массовая культура предлагает своим потребителям колоссальный по объему информационный поток, сообщения в котором мозаичны, тавтологичны, не организованы в систему, не адекватны реальности, снабжены клишированным символическим кодом («нанотехнологии», «андронный коллайдер», «озоновые дыры» и т. п.). В силу низкого образовательного уровня масса оказывается не способной к критическому осмыслению и адекватной расшифровке потока информации, к рефлексии проблемных ситуаций. К тому же из-за возросшей сложности постнеклассической науки многие научные проблемы принципиально не могут быть обсуждаемы в СМИ. Специализированное знание передается в массовой культуре людьми, ориентированными, прежде всего, на получение коммерческой выгоды, а, следовательно, не озабоченными подлинным просвещением

аудитории, имеющей низкий образовательный уровень и не способной к усвоению интеллектуально сложных сообщений.

Подобная репрезентация науки в массовой культуре приводит к превращению научного знания в поле массовой культуры в дискурс о науке, симулякр, «мир чистой коннотации» (Бодрийяр). Это в большинстве случаев позволяет определить сегодняшнюю репрезентацию науки в массовой культуре как ее «профанацию».

Основные методы репрезентации специализированного научного знания в массовой культуре традиционны для этой культурной формы. Массовая культура примитивизирует науку, редуцируя сложнейшие проблемы к легким для восприятия утверждениям. В итоге у масс формируется ложное мнение о легкодоступности научного знания, а также о собственной осведомленности. Масскульт мифологизирует науку и научную деятельность, превращая их из сложного явления в простой, но магический акт. Объяснительный потенциал мифа приходит на помощь при поиске надуманных связей, необходимых для заполнения лакун в образовании массовизированного индивида с его некритичным сознанием. Массовая культура апеллирует к эмоциям, а не к разуму своих потребителей. Арсенал средств, используемый для эмоционального окрашивания, велик: от снабжения привлекательной «картинкой» и сопровождения подходящей музыкой, до рассказа о научных открытиях через описание личной жизни их авторов. Наука делается привлекательной для масс не по причине своей содержательности, а только в том случае, если превращается в шоу. Процесс познания становится привлекательным для масс, если он наделяется признаками игры: осуществляется по собственному желанию, вовлекает в самую суть происходящего, приносит удовольствие, активен и эмоционально напряжен, мотивационно нагружен. Познание, осуществляемое через популярные сегодня интеллектуальные игры, не способствует развитию рефлексивного сознания, не учит неспешному, вдумчивому размышлению над проблемой, примитивизирует интеллектуальный поиск (ведь в игре есть только один правильный вариант ответа на вопрос).

В некоторых случаях в текстах массовой культуры наблюдается сознательное искажение научного знания. Наиболее распространенные способы искажения, ориентированные на сферу логического мышления, — неясная формулировка тезиса, применение недостаточно доказанных или ложных аргументов, нарушение логической связи между тезисом и аргументами, расширение тезиса, верного в одних ситуациях, до тезиса, верного во всех ситуациях. Способы искажения, ориентированные на эмоциональную сферу, — использование при передаче информации внушения, убеждения аудитории через многократное повторение недоказанного или заведомо ложного тезиса, запутывание непонятными терминами, привлечение к дискуссии лжеученых.

Реализация трансляционной функции массовой культуры осуществляется под влиянием властных политических и экономических структур, вырабатывающих в конце XX — начале XXI века идеологический проект, который можно назвать «соблазнением масс знанием». Этот проект играет большую роль в современную эпоху, когда механизмы управления обществом претерпевают трансформацию от открытого насилия к скрытому соблазнению. Массовая культура становится мощнейшим инструментом подобного соблазнения. При массовом псевдопросвещении кажущаяся случайность в выборе масскультом познавательных стратегий «оказывается некоторым образом инвентаризована, классифицирована... следовательно, ею становится возможно управлять (в чем и состоит реальная задача системы в социоэкономическом и частном плане)»¹⁰². Действительно, многие научно ориентированные тексты массовой культуры содержат в себе идеологически выгодные комментарии, и это говорит о том, что массовизированная «наука» маркирована властью. Целью «соблазнения масс знанием» становится обеспечение стабилизации общества путем предоставления общих знаний его членам и формирование в сознании масс идеологически выгодной властным структурам картины мира.

Познание, осуществляемое в рамках массовой культуры, является чрезвычайно привлекательным для массовизированного индивида по ряду причин. Во-первых, удовлетворение когнитивных потребностей

¹⁰² Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. — С. 157.

масс способствует повышению их адаптационного потенциала. Предлагаемые массовой культурой объяснения законов существования и перспектив развития окружающего мира интеллектуально доступны массам, а потому удобны для них. Даже неверное истолкование масскульта природной и социальной среды усваивается массовизированным индивидом, отнюдь не склонным к поиску истины и помогает ему сохранить в условиях нестабильности психологическое, духовное и даже физическое здоровье. Во-вторых, при эмоционально насыщенном и доставляющем удовольствие познании индивид устремлен не на усвоение и переработку полученной информации, а на чувства и эмоции, которые он испытывает в процессе познания. Главное из этих чувств — вера в то, что о его просвещении заботятся некие общественные инстанции или все общество в целом (Ж. Бодрийяр). В-третьих, масскульт создает для своего потребителя специфическую среду существования, в которой тот способен ощутить свою онтологическую сопричастность к окружающему миру. В-четвертых, пробелы в образовании формируют у массовизированного индивида фрустрацию, частично искупаемую в процессе «познания», не требующего интеллектуальных усилий, временных или материальных затрат. Массовая культура, «просвещающая» индивида, позволяет ему самоутвердиться, почувствовать себя осведомленным и востребованным обществом. В-пятых, масскультом предлагается «свобода выбора» собственного мировоззрения, сулит возможность выразить через маркированное познание свою неповторимую индивидуальность. Каждый индивид может быть опознан через свои «научные интересы», поскольку, подобно тому как в обществе потребления «судят по одежке», в информационном обществе опознавательным кодом могут являться знания индивида. В-шестых, знание распределено массовой культурой по разнообразным маркам и брендам точно так же, как любой другой товар, то есть оно категоризировано, систематизировано и иерархизировано. Предлагаемый масскультом дайджест членит единую научную картину мира на мозаику различных взглядов, теорий, подходов и гипотез, мало связанных между собой. Подобная

избыточность привлекает аудиторию и создает иллюзию свободного выбора.

Итак, массовая культура становится в эпоху современности важной культурной формой, «переводящей» специализированные научные знания на язык обыденного сознания. При этом переводе массовая культура более профанирует научное знание, нежели популяризирует его. Между тем «академическая» популяризация науки должна стать образцом трансляции специализированного знания к обыденному сознанию. Популяризация науки важна для всего общества, а потому нуждается в государственном финансировании и серьезном, методологически взвешенном подходе.

Библиографический список

1. Адорно Т. Диалектика Просвещения / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. М. : Медиум; СПб.: Ювента, 1997. — 310 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. — 956 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудолино, 1995. — 169 с.
4. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. — 318 с.
5. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества — 2 изд. М.: УРСС, 2004. — 352 с.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. — 226 с.
7. Орлова Э. А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры: Структура и динамика. М.: Наука, 1984. — С. 281-305.
8. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. — 557 с.
9. Флиер А.Я. Некультурные функции культуры. М.: МГУКИ, 2008. — 272 с.
10. Фромм Э. Иметь или быть. М. : "АСТ", 2000. — 314 с.

Проблемы построения новой модели трансляции специализированного знания в эпоху постмодерна

А.Р. Кожаринова (Московский гуманитарный университет)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость построения новой модели трансляции специализированного знания и описывается ее потенциальная специфика.

Ключевые слова: трансляция специализированного знания, модель, интеллект, познавательная традиция.

В историческом аспекте в западноевропейской культуре можно выделить три модели трансляции специализированного знания от продуцирующего новые смыслы «творческого меньшинства» к не склонному к интеллектуальной активности «инертному большинству» (толпе, массе).

В ходе реализации античной модели трансляции специализированного знания, интеллектуальная элита общества не допускала мысли о возможности просвещения толпы.

В рамках второй модели, гуманисты эпохи Возрождения допускали возможность перехода отдельных индивидов из толпы в интеллектуальную элиту общества, а потому, выступали за идею просвещения и воспитания толпы, передачи ей некоторых специализированных знаний, но в адаптированном виде.

Модель трансляции специализированного знания в рамках эпохи Просвещения — качественно новая в западноевропейской культуре. В ней впервые начинают широко распространяться идеи необходимости всеобщего распространения специализированных знаний с целью преобразования общественного устройства. Просветители не только впервые оформили идею необходимости передачи специализированного знания толпе, но и предприняли для реализации этой идеи ряд практических шагов¹⁰³.

¹⁰³ Кожаринова А.Р. Эволюция моделей трансляции специализированного знания в западноевропейской культуре // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 118. М.: Социум, 2010. — С. 47–54.

В конце XX — начале XXI века реализуется четвертая модель трансляции специализированного научного знания — через массовую культуру. Однако проблему построения этой модели сопровождают немалые сложности. В первую очередь они принципиально связаны с необходимостью переосмысления Просвещенческих традиций, к чему принуждают новые реалии культуры, а именно: экономические кризисы, вражда между различными политическими режимами, ведущая к локальным военным конфликтам, религиозный фундаментализм, еще не до конца осознанное специалистами влияние современных коммуникационных технологий на сознание человека, глобальные экологические проблемы — вот далеко не полный перечень вызовов, стоящих сегодня перед человечеством. Очевидно, что ситуация постмодерна диктует необходимость построения особенной модели трансляции специализированного знания, в которой новая «познавательная традиция» (И. Элкана) должна опираться на ряд объективных факторов, а именно:

- на наличие у представителей масс различных, порой диаметральных типов восприятия;
- на существование во всевозможных культурных формах локальных социокультурных образов знания, в том числе в зависимости от религии, морали, искусства;
- на влияние идеологических факторов, определяющих как сам процесс трансляции знания, так и функции агентов просвещения;
- на объективное существование множества частных экономических, социальных, психологических, физических, политических и многих других теорий, содержащих в себе не только элементы, но и моменты действительного господства противоречий как их неотъемлемой сущности.

В своей статье «Переосмысление Просвещения» философ науки Иегуда Элкана ставит принципиальный вопрос, а существует ли вообще возможность на понятийном уровне анализировать современный мир?¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Elkana Y. Rethinking — Not Unthinking — the Enlightenment. 1978. URL : http://web.ceu.hu/yehuda_rethinking_enlightnment.pdf (дата обращения 03.09.2014).

Просвещенческая традиция исключала противоречия как неотъемлемую характеристику мира и, соответственно, научной теории, этот мир описывающей. И. Элкана рассматривает эту традицию как характеризующуюся «ограниченной рефлексивностью, мощным недиалектическим мышлением, отрицанием противоречий, приверженностью абсолютистским обобщениям, направленностью на линейный прогресс и наивной верой в то, что современность следует из этой концептуальной структуры, и, что самое главное, все это допускает безболезненную замену понятий в зависимости от культуры»¹⁰⁵. В современной ситуации мы не можем игнорировать специфику подобного нового взгляда на мир. Рождается необходимость создания новой модели трансляции специализированного знания, для чего будет полезно переосмыслить положительные аспекты старых моделей, отказываясь при этом от их универсальности и антирелятивизма и перевоспитать наше мышление таким образом, чтобы не только большинство, но и само научное сообщество стало воспринимать противоречие не только как дефект теории (что является традицией Просвещения), но и как сущностную характеристику любой научной теории как таковой. Таким образом, рациональная логико-методологическая философия науки в воплощении И. Элкана должна обрасти особыми культурологическими методиками, способствующими трансляции специализированного знания к обыденному сознанию, разработанными с учетом специфики современной социокультурной ситуации.

Созданием новой трансляционной модели, альтернативной «просвещенческой», могли бы заняться интеллектуалы, действительно обеспокоенные умственной деградацией массового общества. Отметим, что возможность объединения интеллектуалов ради высокой цели построения новой модели трансляции специализированного знания демонстрирует специфика прошлых просвещенческих традиций, когда, например в XVIII веке, нескольким сотням европейских мыслителей в той или иной степени удавалось формировать новые стратегии просвещения. Последующее крушение проекта Просвещение вовсе не

¹⁰⁵ Там же.

дискредитирует интеллектуальный потенциал его создателей и не обесценивает их благие намерения.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях постмодернистской относительности истины и лабильности смыслов интеллектуалам необходимо сосредоточиться не на доказательности предлагаемых массовой аудитории систем знания, а на интерпретации, то есть, если так можно выразиться, социализации гносеологических систем. Как нам представляется, для этого интеллектуальная элита должна перестать смотреть свысока на традиционно осуждаемую ею массовую культуру, а, напротив, попытаться подключить ее к делу просвещения масс.

Однако одним только интеллектуалам не под силу справиться с превращением массовой культуры в качественный канал трансляции специализированного знания и социально-значимой информации. Только при государственном финансировании и материальной поддержке заинтересованных коммерческих структур массовая культура, наряду с институтами образования, может явиться инструментом подлинного просвещения масс, выработать у них запрос на повышение интеллекта. Построение новой модели трансляции специализированного знания, включающей в участие в этом процессе массовую культуру, должно явиться одним из приоритетных направлений стратегической образовательной инициативы. Такая модель трансляции знания особенно актуальна для современной России, в которой испытывает кризис институт семьи, постоянно реформируются институты образования, что осложняет трансляцию информации и знания через эти традиционные формы. В результате в информационном обществе, где знания должны становиться главной ценностью, прогрессирует невежество, поражает степень интеллектуальной деградации масс. Такая ситуация приводит к утрате конкурентоспособности страны на мировой арене.

Стратегией нового проекта Просвещения, призванного оперативно изменить сложившуюся неблагоприятную ситуацию, может явиться включаемая в поле массовой культуры «академическая» популяризация науки, которая должна стать образцом трансляции специализированного знания к обыденному сознанию. Культуролог

Э.А. Орлова, приводит следующее описание механизма популяризации: «На уровне популяризации опускаются все тонкости рассуждений и доказательств, приводящие специалистов к определенным выводам, и относительность этих выводов. В результате, специализированное знание, относительное и изменчивое по самой своей природе приобретает в сфере массовой коммуникации вид законченных формул, афоризмов, предписаний. В таком виде оно становится широко доступным каждому современному человеку и служит источником обыденных представлений о мире, в котором он живет»¹⁰⁶. В результате популяризации науки происходит усвоение массами «адаптированных» научных знаний, формируются основы научного мышления и азы научного мировоззрения. При этом, результаты усвоения знания одного и того объекта или процесса у индивидов могут крайне отличаться по степени ясности и точности и будут зависеть от индивидуальных предпочтений людей, уровня их образования, интеллектуальных возможностей, особенностей памяти, социокультурной среды, в которой пребывают люди. Даже у одного индивида знания в разных областях могут — должны быть (особенно в современной информационной ситуации) — крайне дифференцированы: о чем-то можно «иметь представление», а что-то будет «доподлинно известно». Средства для популяризации науки могут быть разнообразны. В первую очередь используются СМИ: научно-популярные фильмы, статьи, радиопрограммы, рубрики о науке в новостных программах — сегодня это самые доступные массам формы просвещения. Продолжают выходить старые и появляется большое количество новых научно-популярных журналов, сохраняется интерес определенной части аудитории к научно-популярной литературе, музеям, публичным лекциям. Появились новые формы популяризации: научные фестивали, интерактивные научные музеи, летние научные лагеря, театры занимательной науки, привлечение добровольцев к участию в экспедициях.

¹⁰⁶ Орлова Э.А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры: Структура и динамика. М.: Наука, 1984. — С. 295.

Обратимся теперь к проблемам, сопровождающим построение новой модели трансляции специализированного знания, которые становятся очевидными уже при анализе механизма трансляции специализированного знания через СМИ. Итак, источниками познавательной информации являются властные политические и экономические структуры, представители СМИ, научные институты, представители научного сообщества. Производство любой, в том числе научной, информации осуществляется в конкретном социальном контексте под воздействием государства, правовой системы, рекламного рынка, экономической и идеологической среды. Результатом такой многофакторной зависимости становится ангажированность СМИ. Большая часть информации попадает к потребителю не непосредственно из мира науки, а из информационно-телеграфных агентств, служб по связям с общественностью, официальных лиц или их пресс-секретарей. Проходя через различные инстанции, информация накапливает коммуникационные искажения. Получатели познавательной информации — это совокупность представителей анонимной, гомогенной, не самостоятельной в суждениях массовой аудитории, являющейся для производителей информации объектом манипулятивного воздействия и источником коммерческой выгоды.

Содержание передаваемой познавательной информации не верифицируется потребителем, не имеющим непосредственного контакта с наукой. А потому задача максимально точного отражения реальности является далеко не главной для держателей СМИ. Это позволяет производителям научно-популярных текстов при отборе информации руководствоваться ее актуальностью, сенсационностью, эмоциональной насыщенностью, содержащимся в ней драматургическим конфликтом, социальной значимостью, провокативностью, то есть всем тем, что способствует коммерческому успеху.

Результаты передачи познавательной информации значительны как для отдельного человека, так и для общества в целом. Для индивида коммуникативный эффект прослеживается на всех уровнях его существования. На психологическом уровне результатом коммуникации

становится удовлетворение индивидом потребности в познании, способствующей снятию психического напряжения и рекреации. Итогом получения познавательной информации может быть изменение поведения индивида (подражание интеллектуальным предпочтениям звезд шоу-бизнеса, использование широко предлагаемых СМИ оздоровительных практик и т. п.). Пересмотру могут подлежать ранее существовавшие установки (точки зрения на исторические события, мнение о культуре другой страны, религиозные взгляды и т. п.). Если говорить о нравственных последствиях познавательного информирования, необходимо отметить, что масскульт формирует в массовом сознании определенное отношение к этическим проблемам современной науки, расставляя при этом выгодные властным структурам акценты и культивируя определенную систему ценностей. Когнитивными последствиями познавательного информирования является приращение новых знаний, происходящее путем усвоения предложенных потребителю информации стереотипов, помогающих осуществлять селекцию информации для создания непротиворечивой, ожидаемой, «удобной» картины мира. Важнейшими результатами коммуникации для общества в целом становятся: сохранение единства общества через стандартизацию знаний и формирование общего информационного поля; внедрение потребителям информации готовых установок, создающих определенный образ мира; конструирование реальности, далекой от онтологически существующей; формирование мозаичной псевдокартины мира.

Однако даже с учетом вышеописанных проблем массовая культура имеет большой потенциал для формирования новых познавательных традиций: она доступна для большинства, имеет огромную сферу влияния, эксплуатирует в процессе коммуникации новейшие технические достижения. Думается, ей вполне возможно справиться с решением таких общественно важных задач как:

- 1) расширение кругозора и приращение объема фоновых знаний;
- 2) формирование навыков фильтрации познавательной информации, предлагаемой различными источниками;

- 3) приучение к верному декодированию встречающегося в текстах массовой культуры научного нарратива;
- 4) генерирование навыков адекватного восприятия презентуемых в текстах «академической» популяризации научных теорий;
- 5) формирование умения давать осмысленные и компетентные ответы на злободневные и жизненно важные вопросы по ряду некоторых научных проблем;
- 6) соединение имеющихся у индивида знаний в логически непротиворечивую систему, которая может стать фундаментом для построения его индивидуальной картины мира¹⁰⁷.

Библиографический список

1. Кожаринова А.Р. Эволюция моделей трансляции специализированного знания в западноевропейской культуре // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 118. М.: Социум, 2010. — С. 47–54.
2. Орлова Э.А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры: Структура и динамика. М.: Наука, 1984. — С. 281–305.
3. Elkana Y. Rethinking — Not Unthinking — the Enlightenment. 1978. [Электр. ресурс]. URL: http://web.ceu.hu/yehuda_rethinking_enlightnment.pdf (дата обращения 03.09.2014).

¹⁰⁷ Отметим, что речь идет не о конкуренции массовой культуры и образования в деле просвещения масс — такая ситуация стала бы катастрофой для общества. Хотелось бы стать свидетелями не «конкуренции», а сотрудничества образования и массовой культуры.

Содержание

<i>Костина А.В.</i> Методология исследования массовой культуры: научный и идеологический дискурс.....	3
<i>Кожаринова А.Р.</i> Массовая культура: основные исследовательские подходы к определению	15
<i>Кожаринова А.Р.</i> Анализ социального потенциала современной массовой культуры	26
<i>Костина А.В.</i> Массовая культура: особенности реализации социального потенциала в формирующемся информационном обществе	44
<i>Костина А.В.</i> Возможности массовой культуры в процессах социального управления обществом в ситуации активной трудовой миграции	57
<i>Костина А.В.</i> Массовая культура: возможности по адаптации, аккультурации, интеграции мигрантов	68
<i>Кожаринова А.Р.</i> Конструктивный и социальный потенциал массовой культуры: опыты исследования трансляционной функции массовой культуры	79
<i>Кожаринова А.Р.</i> Проблемы построения новой модели трансляции специализированного знания в эпоху постмодерна	90

Научное издание

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА

XI Международная научная конференция

Москва, 27–28 ноября 2014 г.

Доклады и материалы

Круглый стол «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе»

*Ответственный редактор
доктор философских наук, доктор культурологии
профессор А.В. Костина.*

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 14.10.2014 г. Формат 60×84 1/16

Усл. печ. л. 5

Тираж 100 Заказ №

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности 5. Тел.: (499) 374-75-80.